

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Глава первая. Динамика биологии, власти, общества и идеологии в тоталитарных режимах	33
Биология между наукой и идеологией	34
Некоторые методологические основания исследования	48
Историко-сравнительный анализ: перспективы и итоги	59
Основные периоды в диалектизации биологии в СССР	67
Основные периоды в аризации и нацификации биологии в Германии	70
Глава вторая. Биология Германии и России накануне революционных потрясений	75
Русско-немецкие связи в биологии	76
Имперская наука в Германии	79
<i>Становление и расцвет науки в Германской империи</i>	<i>79</i>
<i>Наука и Первая мировая война</i>	<i>89</i>
Роль немецкой биологии в зарождении имперского национализма	95
<i>Холлизм и концепции социального организма</i>	<i>96</i>
<i>Эволюция и социал-дарвинизм</i>	<i>101</i>
<i>Формирование представлений о расовом многообразии человека и немецкий национализм</i>	<i>109</i>
<i>Эволюционная антропология и формирование расологии</i>	<i>116</i>
<i>От расологии к евгенике и медицинской расовой гигиене</i>	<i>136</i>
<i>Расовые утопии</i>	<i>156</i>
Российские ученые в поисках путей переустройства общества	159
Российская биология между наукой и политикой	174
<i>«Борьба за существование» и политическая борьба</i>	<i>176</i>
<i>Психофизиологическая проблема и политика</i>	<i>184</i>
<i>Существовала ли «русская расовая теория»?</i>	<i>193</i>
<i>Биология и практика</i>	<i>228</i>
Глава третья. Начало диалектизации и нацификации биологии	232
Наука и глобальный послевоенный кризис	232
Борьба за выживание, или «союз науки и труда»: неравный брак по расчету	245
<i>От сопротивления к сотрудничеству и приспособлению</i>	<i>245</i>
<i>Начало советизации науки</i>	<i>257</i>
На подступах к пролетарской биологии	262
Биология и марксизм	273
<i>Дарвинизм и марксизм</i>	<i>273</i>
<i>Генетика и марксизм</i>	<i>284</i>
<i>Евгеника и антропотехника</i>	<i>287</i>
<i>Психология и поведение человека в свете марксизма</i>	<i>292</i>

<i>От охраны природы к ее преобразованию</i>	298
Наука в Веймарской Германии	300
Биология и Веймарская республика	316
<i>Эволюционная теория в кризисе</i>	320
<i>Генетика, евгеника и практика</i>	333
<i>Евгеника или расовая гигиена: научная или политическая дилемма?</i>	337
<i>«Этапная книга трех мужчин»</i>	341
<i>Институционализация евгеники</i>	347
<i>Национал-социализм и проблема политического выбора</i>	353
<i>Антропология: между наукой и расологией</i>	361
Глава четвертая. Биология между коммунизмом, национал-социализмом и либерализмом	375
Модели взаимодействия науки и власти (1929–1945)	375
«Культурная революция» и советизация биологии	384
Сталинская наука и биология	390
<i>Сталинская наука</i>	390
<i>Советизация биологии</i>	400
<i>Конец евгеники и медицинской генетики</i>	409
<i>Классическая генетика и лысенкоизм</i>	413
<i>СТЭ и советский творческий дарвинизм</i>	419
<i>Последний «форпост» свободы: экология и охрана окружающей среды</i> ..	422
<i>Вторая мировая война и советская биология</i>	428
Биология при национал-социализме	431
<i>Наука и национал-социализм</i>	431
<i>Национал-социализм — «прикладная биология»</i>	455
<i>Национал-социалистические научные учреждения, общества и журналы</i>	471
<i>«Немецкая биология»: «больше Гёте — меньше Ньютона»</i>	486
<i>Расовая антропология</i>	494
<i>Генетика, селекция и евгеника</i>	513
<i>Наука без границ: отрицательная селекция, стерилизация и опыты на людях</i>	526
<i>Национал-социалистическая биология в практике: эвтаназия и геноцид</i>	538
<i>Позитивная селекция: «Источник жизни»</i>	556
<i>Национал-социалистическая биомедицина и здравоохранение</i>	560
<i>Эволюционная теория и национал-социализм</i>	566
Заключение	586
Список сокращений	597
Список иллюстраций	600
Именной указатель	604

CONTENTS

Preface	9
Chapter 1. The dynamics of biology, power, society and ideology under totalitarian regimes	33
Biology between science and ideology	34
Some methodological principles of the research	48
Historical-comparative analysis: prospects and totals	59
Main periods of dialectisation of biology in the USSR	67
Main periods of arisation and nazification of biology in Germany	70
Chapter 2. Biology in Germany and Russia on the eve of the revolutionary upheavals	75
Russian-German links in biology	76
Imperial science in Germany	79
<i>The formation and the Golden age in the German Empire science</i>	<i>79</i>
<i>Science and the World War I</i>	<i>89</i>
The role of German biology in the rise of imperial nationalism	95
<i>Holism and the concepts of social organism</i>	<i>96</i>
<i>Evolution and Social Darwinism</i>	<i>101</i>
<i>The development of ideas of racial diversity of man and German nationalism</i>	<i>109</i>
<i>Evolutionary anthropology and the forming of race studies</i>	<i>116</i>
<i>From race studies to eugenics and medical racial hygiene</i>	<i>136</i>
<i>Racial utopias</i>	<i>156</i>
Russian scientists in search of the ways to reorganise society	159
Russian biology between science and politics	174
<i>“Struggle for existence” and political struggle</i>	<i>176</i>
<i>Psychophysiological problem and politics</i>	<i>184</i>
<i>Whether the “Russian racial theory” existed?</i>	<i>193</i>
<i>Biology and practice</i>	<i>228</i>
Chapter 3. The beginning of dialectisation and nazification of biology	232
Science and the global post-war crisis	232
Struggle for existence, or “the alliance of science and labour”: a marriage of convenience without equal rights	245
<i>From opposition to co-operation and adaptation</i>	<i>245</i>
<i>The beginning of sovietisation of science</i>	<i>257</i>
Coming up to proletarian biology	262
Biology and Marxism	273

<i>Darwinism and Marxism</i>	273
<i>Genetics and Marxism</i>	284
<i>Eugenics and anthropotechnique</i>	287
<i>Psychology and behaviour of man from the standpoint of Marxism</i>	292
<i>From conservation to transformation of nature</i>	298
Science in Weimar Germany	300
Biology and Weimar Republic	316
<i>The evolutionary theory in crisis</i>	320
<i>Genetics, eugenics and practise</i>	333
<i>Eugenics or racial hygiene: scientific or political dilemma?</i>	337
<i>“A staging book by three Men”</i>	341
<i>Institutionalisation of eugenics</i>	347
<i>Nacional Socialism and the problem of political choice</i>	353
<i>Antropology: between science and race studies</i>	361
Chapter 4. Biology between Communism, Nazism and Liberalism	375
The models of science and power interaction (1929–1945)	375
“Cultural revolution” and sovietisation of biology	384
Stalinist science and biology	390
<i>Stalinist science</i>	390
<i>Sovietisation of biology</i>	400
<i>The end of eugenics and medical genetics</i>	409
<i>Classic genetics and Lysenkoism</i>	413
<i>STE and Soviet “creative Darwinism”</i>	419
<i>The last “outpost” of freedom: ecology and nature conservation</i>	422
<i>World War II and soviet biology</i>	428
Biology under national-socialism	431
<i>Science and national-socialism</i>	431
<i>National-socialism as biology in practice</i>	455
<i>National-socialist scientific institutions, associations and journals</i>	471
<i>“German biology”: “more Goethe — less Newton”</i>	486
<i>Racial anthropology</i>	494
<i>Genetics, selection and eugenics</i>	513
<i>Science without limits: negative selection, sterilization</i> <i>and experiment on man</i>	526
<i>National-socialist biology in practice: euthanasia and genocide</i>	538
<i>Positive selection: “Source of life”</i>	556
<i>National-socialist biomedicine and public health service</i>	560
<i>The theory of evolution and national-socialism</i>	566
Conclusion	586
List of abbreviations	597
List of illustrations	600
Index of names	604

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первой половине XX века наука в Германии и Советской России претерпела громадные преобразования в отношениях с властью, которая не могла обойтись без ученых, но и не довольствовалась прежними формами взаимодействия с ними. С самого начала большевики стремились использовать науку для построения новых форм общественной жизни, реорганизации сельского хозяйства, идеологического оправдания своей политики, повышения международного престижа. Если кризис в странах Запада (в Веймарской Германии и в США в годы «великой депрессии») заставлял многих задумываться об объявлении «выходного» для науки, т. е. многолетнего моратория на исследования¹, то в СССР власть видела в науке главное средство для выхода из глобального национального кризиса. Прометеевская вера коммунистических вождей в науку побуждала их к организации новых научных учреждений, вузов, кафедр, журналов и к изданию научной литературы в таких масштабах, о которых ученые в других странах не могли и мечтать. В условиях, когда государство становилось единственным источником средств для научных исследований, их политизация и идеологизация были неизбежны.

Аналогичные процессы происходили и в Германии, где уже перед Первой мировой войной биологию стали использовать для насаждения идеологии немецкого национализма², а после Ноябрьской революции 1918 г. она стала

¹ *Forman P.* Weimar Culture, Causality and Quantum Theory. 1918–1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to Hostile Intellectual Environment // *Historical Studies in the Physical Sciences*. 1971. Vol. 3. P. 1–115; *Kevles D.J.* The Physicists: The History of a Scientific Community in Modern America. New York, 1977; *Dupré A.H.* Science in the Federal Government: A History of Policies and Activities. Baltimore, 1986; *Harwood J.* Weimar Culture and Biological Theory: A Study of Richard Woltereck (1877–1944) // *History of Science*. 1996. Vol. 34. P. 347–377.

² На сегодняшний день одной из наиболее взвешенных и тщательно аргументированных работ о национализме, изданной на русском языке, является книга историка и культуролога Э. Хобсбаума (Нации и национализм после 1780 гг. СПб., 1998). В ней приведена библиография наиболее значимых по этому вопросу трудов, включая и знаменитую работу И.В. Сталина. Автор показывает, что до сих пор нет общепризнанных критериев нации, а соответственно и определений национализма. В конечном счете, национализм так или иначе связан с самоидентификацией, базирующейся на чувстве приоритета национальных ценностей над общечеловеческими и ведущей к обоснованию различного рода притеснений, ограничений, а в крайнем случае, и к геноциду других народов. Замаскированной формой современного национализма являются ссылки на восстановление исторической справедливости и претензий к народам за ущерб, нанесенный их предшествующими поколениями. Национализм как принцип предполагает, что «политические и национальные образования должны совпадать», а следовательно, главным долгом гражданина является долг перед нацией, а национальная самоидентификация является главной для каждого из них. На самом же деле национализм, как правило, формируется представителями политических кругов как важный способ завоевания и удержания власти, а в кругах народа нередко успешно функционируют

источником и питательной средой для возникновения всякого рода социальных утопий, превратившись, в конечном счете, в главную естественнонаучную основу национал-социализма³ и неразрывно связанного с ним расиз-

инные способы самоидентификации. Непрестанно происходит смена национальных самоидентификаций как в пространстве, так и во времени. При этом одним из важнейших факторов формирования самой нации и национализма ее политических лидеров, по Э. Ренану, является «ошибочный взгляд на собственную историю». Поэтому националист, в принципе, не способен написать объективную историю.

³ Я специально избегаю термина «фашизм», который исторически связан, прежде всего, с политическим движением Б. Муссолини, а не А. Гитлера. Между ними никогда не было совпадения, а долгое время существовали острая полемика и вражда. В Италии увольнение евреев началось только в 1936 г., а расовые законы были приняты в 1938 г. под давлением Гитлера, с которым Муссолини пошел на союз после долгих колебаний. Смещение понятий «фашизм» и «национал-социализм» было намеренной пропагандистской аберрацией СДПГ и КПГ в 1920-х гг., с удовольствием подхваченной сталинскими идеологами в Коминтерне. Они пошли еще дальше, изобретя термин «социал-фашизм» уже для характеристики лидеров СДПГ, не желавших действовать по их указке. Подобная путаница понятий не позволила создать единый антигитлеровский фронт, что было трагической ошибкой социал-демократов и коммунистов. Эмигрировавшие на Запад немецкие левые заложили в англоязычных странах традицию также отождествлять нацизм и фашизм, хотя ранее там был более распространен термин «тоталитаризм» для обозначения фашистской Италии, национал-социалистической Германии и коммунистического СССР. Заключив в 1939 г. с Гитлером пакт, Сталин запретил употреблять слово «фашист», которое раздражало его нового союзника. Гитлер усматривал в нем намек на сходство с Муссолини, которого он глубоко презирал, а его учение считал незрелым из-за отсутствия в нем расового компонента. Июнь 1941 г. вновь вернул термин «фашизм» в арсенал советской пропаганды. Возникло новое клише «немецко-фашистские захватчики», что, видимо, в первые дни войны означало, что на СССР вместе с Германией напала и фашистская Италия. Но вскоре и немцев, и их союзников стали именовать «фашистами», появились «антифашистский комитет», «антифашистская коалиция». В Италии же совместные войска именовали «наци-фашистские», что было совершенно точно. В отечественной и англоязычной литературе со времен войны «нацизм» и «фашизм», как правило, отождествляют. Это ведет к серьезным сложностям в борьбе с последователями национал-социализма, которые резонно возражают, что они — националисты, патриоты, социалисты, большевики, коммунисты и т. д., но не фашисты.

Конечно, между фашизмом и национал-социализмом много общего. Они оба — составные части мощного социально-политического движения, идеологии и политики в XX веке, построенных на социальной демагогии, массовом терроре, имперской державности, шовинизме, ксенофобии, вождизме и т. д. и воплощенных во многих государствах тоталитарного типа, включая милитаристскую Японию, маоистский Китай и многие современные страны Азии и Африки. В то же время огромную политическую ошибку допустили идеологи в России, считавшие себя демократами и либералами, отождествив фашизм или национал-социализм с коммунизмом. Их совпадение только в способах правления. Коммунизм, проповедуя классовый подход, отстаивал идею возможности построения общества социального равенства, базирующегося на биологическом равенстве всех народов. В этом отношении он ближе к либерализму, чем к национал-социализму, и СССР во Второй мировой войне закономерно был в одном лагере с Англией и США, а Гитлер не случайно считал многонациональные США и СССР своими заклятыми врагами и главным препятствием на пути к установлению мирового господства. С одной стороны, дискредитация в нашем обществе либерально-демократических ценностей, с другой стороны, настойчивое отождествление частью российских политиков, считавших себя демократами, коммунистами и фашизма породило сумятицу в общественном сознании, привело к сужению круга потенциальных

Предисловие

ма⁴. В связи с этим история биологии в СССР и Германии — удобный полигон для разработки и проверки разного рода концепций о социальных факторах развития науки, о ее динамике в условиях тоталитарных режимов, заставлявших ученых лавировать, пытаясь соединить, казалось бы, совсем несовместимое — науку, политику и идеологию.

В центре книги находится проблема реконструкции интеллектуальных, политических, социальных, экономических и культурных условий, влиявших на формирование, организацию и практику функционирования биологического знания в России-СССР и Германии в первой половине XX в. Сравнительный анализ биологии в двух странах Европы, переживших наиболее крупные потрясения в первой половине XX века, призван показать, как проверялись на прочность научные ценности и нормы в условиях перманентного кризиса, связанного с двумя мировыми войнами и несколькими революциями (буржуазно-демократической, пролетарской, национал-социалистической). В конечном счете, политическим и хронологическим контекстом развивавшихся в науке событий была война: подготовка к Первой мировой войне, сокрушительное поражение обеих стран, жажда реванша и выбор тоталитарных режимов как средств для наилучшего обеспечения мобилизации всех материальных и людских ресурсов для новой мировой войны.

В книге сделана попытка выяснить следующее. Во-первых, какую роль та или иная отрасль биологии и ее представители сыграли для оправдания и реализации политики своих правительств? Во-вторых, в какой мере и в каком контексте власти использовали их для достижения своих целей? В-третьих, как сами ученые использовали с выгодой для себя государственные системы Германской и Российской империй, Веймарской республики и СССР, и особенно Третьего рейха, для развертывания исследований, которые стали возможны лишь в специфических политических, социальных, экономических и культурных условиях сменявших

сторонников гуманистических ценностей и к сближению позиций сторонников коммунизма и национал-социализма. У потомков победителей «коричневой чумы XX века» исчезла идиосинкразия к ее бациллам. Серьезные, политически неангажированные исследования диктатур Сталина и Гитлера показали, что пока нельзя твердо сказать, в чем они были сходны, а в чем различны. Время объективного анализа не пришло, слишком кровоточат еще раны (*Kershaw I., Levin M. Afterthoughts // Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison / Ed. I. Kershaw, M. Levin. Cambridge, 1997. P. 343*).

⁴ Понятие «расизм» имеет сильный негативный оттенок в моральном и политическом аспекте, что затрудняет его использование в научной литературе (*Майлз Р., Браун М. Расизм. М., 2004. С. 9–28, 74–76*). Его ввели в обиход в конце 1920-х гг. французские критики немецкого праворадикального национализма, отождествив «расизм», «пангерманизм», «ксенофобию», «агрессивность», «империализм» и даже «патриотизм». В связи с этим практически не существует возможности дать его точное определение, на основе которого можно было бы выносить обоснованное суждение по поводу того, кто расист, а кто нет. Здесь и далее этот термин будет употребляться для характеристики научных взглядов и политико-идеологических воззрений, где на основе положения о неравноценности рас и народов проповедовалась необходимость установить разные социальные права для их представителей. Крайней формой расизма остаются проповедь национальной и расовой ненависти, а также геноцид. К сожалению, расизм получил широкое распространение во многих странах бывшего СССР, став одним из краеугольных камней их внешней и внутренней политики. В этом одна из причин популярности национал-социализма в современной России, так как всякое действие неизбежно рождает противодействие.

друг друга политических режимов? В-четвертых, насколько важную роль биологи-эксперты и их знания играли при обсуждении и формировании коммунистической и национал-социалистической политики, а также в какой мере сами власть предержащие использовали научную экспертизу для наиболее эффективного достижения поставленных целей? В-пятых, какие организации и группы в руководстве нацистов советовались с учеными, а также в какой мере ученые были не только экспертами, но и разработчиками инструкций по эвтаназии и геноциду, становясь «проектировщиками уничтожения?»⁵. Так назвали Г. Али и С. Хайм демографов, статистиков, географов, историков, фольклористов и иных, планировавших в своих трудах уничтожение целых народов в Восточной Европе⁶.

Особенность этой книги состоит в том, что работа над ней в течение долгого времени была не главной задачей автора и шла наряду с другими исследованиями. Сбор материала по истории биологии в социально-культурном контексте сталинского режима был начат около 30 лет тому назад в период работы над книгой «Развитие эволюционной теории в СССР»⁷, опубликованной в 1983 г. Не желая ставить под угрозу выход в свет этого коллективного труда, я отложил публикацию написанного тогда текста до лучших дней. Он был опубликован в 1990 г. в совместной с С.А. Орловым книге, в которой мною описаны события до августовской сессии ВАСХНИЛ⁸.

Изучение истории проблемы эволюции биосферы и различных аспектов научной и социальной деятельности В.И. Вернадского показало, сколь неоднозначны были отношения научной элиты с властью предержащими⁹, однако эта тема была

⁵ *Aly G., Heim S. Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung. Hamburg, 1991.*

⁶ *Der "Generalplan Ost". Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik / Hg. M. Rössler, S. Schleiermacher. Berlin, 1993.*

⁷ *Развитие эволюционной теории в СССР / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. Л., 1983.*

⁸ *Колчинский Э.И., Орлов С.А. Философские проблемы биологии в СССР (1920–1960 гг.). Л., 1990.*

⁹ *Сорокина М.Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные оценки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 248–255; Колчинский Э.И., Козулина А.В. Бремя выбора: Почему В.И. Вернадский вернулся в советскую Россию? // ВИЕТ. 1998. № 3. С. 3–25. М.Ю. Сорокина, положившая начало «деканонизации» Вернадского, т. е. переоценке традиционных взглядов на Вернадского как на воплощение этического принципа научной и социально-политической деятельности русской интеллигенции, которые она сама отстаивала в своих прежних публикациях, на наш взгляд, впала в другую крайность. В ее трудах научная элита выглядит как группа людей, обеспокоенных только проблемой укрепления своего социального статуса, вертикальной динамики и получения любыми способами средств для проведения исследований. Об умении ученых приспосабливаться к любым властям говорили ещё во времена Французской революции. Как негодовала мадам Л.Ж. де Сталь: «Ученые относят все то, что не поддается логике расчета, к иллюзиям. Они сначала оценивают силу правительства — неважно, какого, — а затем, поскольку у них нет иных желаний, кроме как предаваться своим трудам в мире и спокойствии, приносят обет послушания тем, кто в данный момент оказывается у власти... И никто так не радуется сердцу абсолютного монарха, как те, кто глубоко погружен в поиск физических законов, оставив мораль любому, кто захочет ею воспользоваться» (цит. по: *Дмитриев И.С. «Союз ума и фурий»: ученые в эпоху Французской революции // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 40.*). Однако, в отличие от М.Ю. Сорокиной и Л.Ж. де Сталь, я не вижу ничего постыдного в том, что творческие люди оставались верны своему призванию, понимая преходящее значение всех форм и событий политической жизни. Вопрос, кому и как служит наука, не интересен и даже*

Предисловие

лишь обозначена в публикациях, вышедших в разгар перестройки¹⁰. Последующая работа в государственных и личных архивах, многочисленные беседы и интервью с непосредственными участниками борьбы с лысенкоистами позволили лучше представить сложную историю биологии в нашей стране. Становились очевидными многие мифы, сложившиеся в истории науки. Особенно важны для меня были беседы разных лет (будь то специальные интервью или короткий обмен мнениями по данному вопросу), когда моими собеседниками были А.Д. Александров, В.Я. Александров, Н.Н. Воронцов, М.М. Голлербах, И.А. Горлинский, И.С. Даревский, В.Д. Есаков, А.В. Иванов, С.Г. Инге-Вечтомов, Л.З. Кайданов, М.М. Камшилов, И.И. Канаев, В.С. Кирпичников, Ф.И. Кричевская, Е.И. Лукин, Ю.В. Наточин, К.Л. Паавер, Н.С. Ростова, З.М. Рубцова, В.О. Самойлов, Л.Н. Серавин, Я.И. Старобогатов, Т.Я. Сутт, Л.П. Татаринев, Л.А. Фирсов, А.Г. Юсуфов, Е.С. Якушевский, М.Г. Ярошевский и др.

Судьба дала мне уникальную возможность в течение многих лет сотрудничать с К.М. Завадским, Д.В. Лебедевым и Ю.И. Полянским, что сказалось на многих моих научных взглядах, в том числе и на обсуждаемые здесь проблемы. В течение нескольких лет мне довелось еженедельно вести долгие беседы с А.М. Уголевым, благодаря которым мне удалось выяснить для себя не только важные моменты в истории советской биологии, но и лучше понять ее этос и особенности академического сообщества. На разных этапах этой работы я пользовался советами и помощью А.Д. Александрова, В.В. Бабкова, А.В. Балущкина, А.В. Бекасовой, И.Л. Безбородко, И.А. Белозеровой, В.П. Борисова, А.Я. Боркина, Ю.А. Виноградова, Ю.П. Голикова, Н.А. Григорьян, И.С. Дмитриева, Б.И. Козлова, А.В. Кольцова, М.Б. Конашева, Ю.А. Лайус, А.В. Лапо, Е.С. Левиной, К.В. Манойленко, С.Р. Микулинского, Э.Н. Мирзояна, Е.Б. Музруковой, В.И. Назарова, В.М. Орла, С.А. Орлова, Ю.А. Петросяна, А.В. Полевого, А.В. Постникова, Г.А. Савиной, Г.И. Смагиной, В.С. Соболева, Э.А. Троппа, Т.И. Ульянкиной, А.А. Федотовой, М.Ф. Хартанович, Л.В. Чесновой, Ю.К. Чистова, Т.И. Юсуповой. Итогами моих исследований социальной истории науки, и прежде всего, биологии, в Советской России стала серия монографий, опубликованных за последние 5 лет¹¹.

бессмыслен для историка, так как не имеет прямого отношения к самой научной практике, ее результатам и месту данного ученого в мировой науке. Как справедливо отмечал М.К. Петров относительно философии: «Дело не в том, служит или не служит философия, она заведомо служит, как и любая другая форма социально необходимой деятельности — от санитарно-погребальной до художественной, и дело даже не в том, кому именно или какому классу служит философия, что имеет первостепенное значение для выяснения партийности философии, а дело в том, как, в каких формах, с какими конечными целями и осязаемыми результатами осуществляется эта цель» (*Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 224*). То же самое можно сказать о враче, парикмахере, учителе и т. д. Важно, не кого они лечили, брили, учили, а как они это делали.

¹⁰ Научное и социальное значение деятельности В.И. Вернадского / Ред.-сост. Э.И. Колчинский, А.И. Мелуа. Л., 1989; *Колчинский Э.И. Эволюция биосферы: историко-критические очерки исследований в СССР. Л., 1990.*

¹¹ *Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии: дискуссии и репрессии конца 20-х — начала 30-х гг. СПб., 1999; За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / Отв. ред. Э.И. Колчинский, М. Хайнеман. СПб., 2002; Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб., 2003; Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв. Исторические очерки / Отв. ред. Ж.И. Алфёров. Ред.-сост. Э.И. Колчинский, Э.А. Тропп. СПб., 2003.*

В них было показано, что события отечественной биологии в 1920–1940-е гг. лежали в русле общего процесса «советизации» науки, суть которого заключалась в происходивших после Октябрьской революции 1917 года преобразованиях норм и ценностей научного сообщества России, связанных с прямым подчинением науки партийно-государственному контролю, идеологизацией и политизацией многих отраслей знания, поставленных на службу социалистическому строительству и призванных обеспечить проведение в жизнь партийных планов. «Советизация» оказала огромное влияние не только на социальный контекст и организацию научных исследований (их институционализацию, социализацию новых поколений ученых, систему подготовки кадров и достижения научной карьеры), но и на отношения науки с властью и обществом, на социальный статус ученых и их связи с зарубежными коллегами, на формы и ритуалы проведения научных мероприятий. Она обуславливала существенные изменения в самой науке: формирование особого стиля научных исследований, а также языка в публикации их результатов; введение идеологизированных, политизированных методов и методологии; преобразование соотношений между фундаментальными и прикладными исследованиями; смену концепций, а иногда и парадигмальные сдвиги в общественных науках. В области естественных наук с «советизацией» связаны попытки создания различных вариантов «идеологически корректной науки» вроде «пролетарской», «диалектической» и «мичуринской» биологии, «агробиологии», «советского творческого дарвинизма», «учения о живом веществе» и т. д.

Несмотря на огромное количество работ по истории отечественной биологии, выполненных в традиционном духе имманентного развития идей, ее социальные и институциональные аспекты исследованы слабо. Даже в интенсивно изучаемом отечественными и зарубежными исследователями периоде 1930–1950-х гг. их интересовали в первую очередь трагические перипетии развития генетики и борьбы с лысенкоизмом. Сопряженность этих событий с развитием немецкой биологии чаще всего игнорировали или давали в искаженном виде, связывая работы отечественных генетиков с построениями расологов и расовых гигиенистов. Что же касается развития биологических исследований в начале XX века, то их изображали, как правило, крупными мазками или же через призму биографий отдельных ученых. Особенно не повезло работам, выполненным в годы Первой мировой войны. О них принято было не упоминать, что в какой-то мере было обусловлено идеологией советской историографии, считавшей неприличным обсуждать патриотический подъем российских ученых в первые месяцы империалистической войны. Только в последнее десятилетие эта традиция была сломана молодыми историками биологии, которые показали, как в динамике первых десятилетий XX века можно вычленил изменения в биологических практиках, непосредственно связанных с войной¹².

Перестройка дала отечественным исследователям возможность обратиться к архивам Западной Германии, а также ознакомиться с огромным массивом литературы по социальной истории немецкой биологии, и прежде всего, по проблемам взаимоотношения биологии и национал-социализма. Оказалось, что западные ученые далеко продвинулись по пути анализа идеологизированных наук, начав

¹² Федотова А.А. Российские ботаники в Первую мировую войну // История социокультурных проблем науки и техники. М., 2004. Вып. 2. С. 208–223; Лайус Ю.А. Развитие рыбохозяйственных исследований Баренцева моря в конце XIX — первой трети XX веков: взаимоотношения науки и практики: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004 (рукопись).

Предисловие

рассматривать биологов не как жертв происходящих событий, а скорее как их активных участников¹³. Вскоре стало ясно, что недостаточно проводить простые аналогии между пролетарской биологией в СССР и арийской — в нацистской Германии, как это было свойственно ряду отечественных и зарубежных публикаций времен перестройки. Поверхностное генерализующее сопоставление «с высоты птичьего полета» исторически несводимых феноменов неизбежно ведет к неправомерному смешению расхождений, актуальных для своего времени. Остаются, например, непонятными столь различные судьбы генетики, евгеники и расологии¹⁴ в сталинской России и гитлеровской Германии.

¹³ *Breitling R.* Die national-sozialistische Rassenlehre. Entstehung, Ausbreitung, Nutzen und Schaden einer politischen Ideologie. Meisenheim am Glan, 1971; *Weiss Sh.* Race Hygiene and National Efficiency. The Eugenics of Wilhelm Schallmayer. Berkeley; Los Angeles; London, 1987; *Weingart P.* German Eugenics between Science and Politics // *Osiris*. 1989. № 5. P. 260–262; *Naturwissenschaft, Technik und NS-Ideologie. Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte des Dritten Reichs* / Hg. H. Mehrrens, S. Richter. Frankfurt am Main, 1990; *Proctor R.* Racial Hygiene: Medicine under the Nazis, Cambridge (Mass.); London, 1988; *Weindling P.* Health, Race and German Politics between National Unification and Nazism. 1870–1945. Cambridge, 1989; *International Health Organisations and Movements 1918–1939* / Ed. P. Weindling. Cambridge, 1995; *Deichmann U.* Biologen unter Hitler. Vertreibung, Karrieren, Forschung. Frankfurt am Main; New York, 1992.

¹⁴ Термин «расология», насколько мне известно, ввел в отечественную литературу в конце 1990-х гг. председатель серии «Библиотека расовой мысли», выпускаемой московским издательством «Белые альфы», В.Б. Авдеев. Он более удачен, краток и точен как перевод немецкого термина «Rassenkunde», чем бытовавшие ранее его эквиваленты в русском языке: «расовые учения», «расовые теории», «расоведение» и т. д. Второй корень этого слова — «логос» — один из наиболее оригинальных и популярных в античной и средневековой философии, непередаваемый на другие языки, — хорошо отражает нечеткость воззрений, пытавшихся на нормативно-ценностных и политических основах синтезировать различные знания, связанные с изучением рас в этнографии, истории, лингвистике, антропологии, психологии, психиатрии, генетике, экологии, эволюционной теории и т. д. Сам Авдеев справедливо указывает, что, в отличие от обыкновенной антропологии, изучавшей «количественные параметры тела представителей человеческих рас», «расология стремится оценить их качественно, интерпретируя наследственные различия в контексте исторического процесса». И хотя он определяет расовую теорию как науку, «изучающую биологические факторы мировой истории», тут же признает, что она представляет собой «философскую систему, находящуюся на стыке гуманитарных и естественных наук, посредством которой все социальные, культурные, экономические и политические явления человеческой истории объясняются действием наследственных расовых различий народов» (Русская расовая теория до 1917 года. М., 2004. Вып. 1. С. 6). Тем самым на смену экономическому монизму исторического процесса К. Маркса постулируют биологический монизм. По преданию, на дверях Академии — сада Платона, трактуемого современными расологами в качестве их предтечи, — было написано: «Не знающим геометрию — вход воспрещен». Упор на качественный, а не количественный анализ биологических факторов исторического процесса свидетельствует о том, что расологические построения лежат не на стратегической линии развития науки, начинавшейся с числа Пифагора, а в русле расплывчатых, чисто идеологизированных рассуждений, не подлежащих научной проверке. В этом отношении расология так же отличается от антропологии и других биологических наук, как астрология — от астрономии, алхимия — от химии. Не случайно в ней полностью отвергаются современные генетико-популяционные исследования человека, да и сама генетика, вместо которой предлагается некая «наука о наследственных качествах людей», сооруженная В.Б. Авдеевым и его сторонниками из вырванных цитат разных, преимущественно немецких, авторов эпохи нацизма, не оставивших следа в науке о наследственности человека.

При непосредственном обращении к материалу оказываются более важными дивергентные политико-идеологические линии, разводящие Э. Баура, Г. Бауэра, Г. Геберера, Э. Лемана, К. Лоренца, Б. Ренша, О.Ф. фон Фершюера, О. Фишера, с одной стороны, и И.И. Агола, Н.И. Вавилова, Н.П. Дубинина, С.Г. Левита, А.С. Серебровского, Ю. Шакселя, И.И. Шмальгаузена, с другой стороны, по разным векторам единого силового поля науки, чем наличие общего для всех названных ученых стремления использовать тоталитарный режим для развития своих отраслей знания, имитируя верность идеологически-корректной науке. В то же время детальное рассмотрение социального и культурно-исторического (биографического) контекста того или иного научного направления или ученого таит опасность растворения реальных противоречий в единой картине-реконструкции изучаемой целостности¹⁵.

Наличие общих научных задач и сходных способов продвижения своих целей и интересов в тоталитарных условиях не снимает ключевые для современников расхождения между учеными, даже принадлежавшими к одной научной школе и демонстрировавшими внешне сходные формы поведения. При анализе сходств и различий в интеллектуальной истории особенное значение приобретает степень включенности в политико-идеологическую деятельность, соотношение теории и практики в научной деятельности, приверженность традициям или устремленность к модернизации, а также групповая и институциональная динамика ученых, отражающая их включенность в социально-культурный контекст. В то же время социальная история творцов науки невозможна без традиционного анализа истории идей, включая, конечно, политические и академические параметры их воспроизводства.

Социальная история рассматривает развитие научных исследований вместе с судьбами самих ученых в социально-политических контекстах разных уровней — от социально-психологической обстановки на кафедре, в лаборатории, институте, университете, обществах и академиях до политической атмосферы данного региона или общества в целом. Анализ научных программ в рамках отдельных школ и индивидуальных стратегий ученых, которые они выбрали для развития своих исследований, различных способов их сочетания с жесткими политико-идеологическими и практическими требованиями со стороны общества и власти, а также различных способов взаимоотношений, включая острую конкуренцию и откровенную борьбу в самом научном сообществе, дает возможность реконструировать реальный ход научных исследований в меняющемся социально-политическом контексте. Особое значение при этом уделяют институциональным аспектам развития биологии, конкуренции и кооперации отдельных научных школ и учреждений, тенденциям к централизации научных исследований, столь ярко сказавшимся в 1930-х гг. в обеих странах.

Сложный сплав национальных и международных приоритетов в развитии биологии всегда преломлялся через исследовательские стратегии отдельных научных школ и ученых. Это делает особенно важным изучение их научных биографий, которые, к сожалению, в большинстве случаев еще не написаны. Можно по пальцам пересчитать главных участников этих процессов (А. Бутенандт, Н.И. Вавилов, О. Варбург, В.И. Вернадский, Н.К. Кольцов, К. Лоренц, Т.Д. Лысенко, Г. Дж. Мёллер, Н.В. Тимофеев-Ресовский и др.), чья жизнь и творчество стали предметом пристального внимания историков науки. О большинстве других

¹⁵ *LaCapra D. Rethinking Intellectual History. Texts, Context, Language. Ithaca, 1983. P. 93–117.*

Предисловие

ключевых фигур в лучшем случае, имеются только отдельные монографии и статьи в сборниках и журналах (Э. Баур, Г. Геберер, Г.Ф.К. Гюнтер, Н.П. Дубинин, Г. Нахтсхайм, И.И. Презент, В.Н. Сукачев, Ю.А. Филипченко, О. Фишер, В. Циммерман, И.И. Шмальгаузен, Э. Штреземан, Г. Штуббе и др.). Чаще всего сведения о них можно почерпнуть лишь из юбилейных статей, некрологов, библиографических справочников, содержащих только основные краткие данные об их творческом пути и научных достижениях. А этих сведений обычно недостаточно для понимания детерминации их поведения в конкретном социально-психологическом контексте.

Эвристические возможности реконструкции интеллектуальных событий в разных странах в рамках ныне популярного жанра «истории дискурсов» таят в себе опасность за общностью подходов к научным проблемам, тематических ракурсов, категориальных построений и социально-политического поведения не заметить не только существенные различия, разделявшие биологические сообщества Германии и СССР в их отношениях с властью, но идейно-психологические и нравственные разломы, воспроизводившиеся порою в течение многих десятилетий внутри самих национальных академических элит. В итоге сопоставление биологических сообществ Германии и России в пределах полувекового отрезка их сопряженного развития ведет к дилеммам социальной формы и исторического содержания, а также массовой истории ментальностей и штучной когнитивной истории фундаментальных идей и жизненных путей их создателей. Путь к снятию этих противоречий в какой-то степени лежит в совместном рассмотрении академической истории и академической политики. Важными остаются и герменевтические методы проникновения в прошлое, позволяющие нащупать механизмы не только выживания в тоталитарных режимах конкретных естествоиспытателей без потери научной методологии, но, что особенно существенно, понять причины сохранения научных сообществ в целом как носителей идеала свободного поиска истины.

Изучение огромного массива опубликованных источников показало, как мало мы знаем о действительной истории немецкой биологии в XX в., прежде всего, об отраслях, причисленных к антинаучным из-за их связи с гитлеризмом. В отечественной историко-научной литературе начисто отсутствуют многие выдающиеся ученые, ключевые фигуры в биологии Германской империи и Веймарской республики, не говоря уже о Третьем рейхе, связанные в той или иной мере с расологией, евгеникой и расовой гигиеной¹⁶. Образ других, например, Э. Баура,

¹⁶ В Третьем рейхе термин «расовая гигиена» употреблялся в разных смыслах: 1) связь учения о наследственности и расовой этнолингвистики; 2) забота о росте и благосостоянии человека; 3) учение о наследственности человека; 4) отрасль медицины (Harten H.-Ch., Neurich U., Schwerendt M. Rassenhygiene und Erziehung im Dritten Reich. Bibliographisch-biographische Untersuchungen. Berlin, 2002). Соответственно они изучались на разных факультетах и относились к разным отраслям знания. Далее под расовой гигиеной в основном понимается учение, призванное освободить нацию от нежелательных групп и индивидов, отягощенных наследственными болезнями, социальными пороками, а в радикальной национал-социалистической форме — и от лиц, угрожавших чистоте расы. Центральное место в ней занимает утопический проект построения счастливого будущего для расово избранных групп. Эта была не научная разработка, а мобилизационная идеология, интенсивно использовавшая риторику, дидактику, эстетику в совокупности с теоретическими конструкциями о рациональном преобразовании природы и общества. В сравнении с евгеникой расовая гигиена — праворадикальный вариант биологической утопии усовершенствования человека, завершившийся

подан в искаженном виде со стыдливым умалчиванием его прямого влияния на формирование идеологии и практики нацизма. Между тем, именно их совместный труд с О. Фишером и Ф. Ленцем был использован в качестве «научной основы» для программы эвтаназии инвалидов, психически больных, а также для массовых расстрелов евреев, цыган, поляков и русских¹⁷. Известно, что, работая в тюрьме над книгой «Моя борьба» (*Mein Kampf*) и формулируя собственные расовые идеи, Гитлер штудировал этот труд¹⁸.

Надо сказать, что этому забвению способствовали и сами немецкие биологи, в одночасье после 1945 г. все как один ставшие жертвами или даже убежденными противниками нацистского режима. Многие из них старались забыть, что их деятельность в Третьем рейхе была возможна лишь в условиях соблюдения хотя бы внешней политической лояльности к нацизму. Забывая о завете: «Не судите, да не судимы будете», они зачастую хорошо помнили грехи других, демонстрируя полную амнезию своей деятельности в нацистской Германии. В этом отношении характерен разговор с Н.В. Тимофеевым-Ресовским, который состоялся зимой 1977 г., когда мне после смерти моего учителя К.М. Завадского поручили готовить задуманную им коллективную монографию о развитии эволюционной теории в СССР¹⁹. Первоначально предполагалось, что во вводных главах книги будет кратко рассказано о развитии эволюционной теории в эти годы в Англии, Германии, США и Франции. Проспект книги послали Н.В. Тимофееву-Ресовскому, мнение которого я и хотел узнать при личной встрече. Его реакция меня удивила. Он заявил, что не надо ничего писать об авторах, активно действовавших при нацистском режиме, и упрекнул меня за то, что по моей инициативе в третьем выпуске «Истории и теории эволюционного учения» (1975) был помещен перевод некролога о Г. Геберере. По мнению Тимофеева-Ресовского, он не заслуживал этой чести, так как был активным нацистом и членом СС. Пришлось ответить, что мы отдали дань уважения не нацисту, а составителю и редактору одной из наиболее полных сводок по синтетической теории эволюции — «Эволюция организмов». Кстати, в первом издании этой книги, которое вышло в 1943 г., участвовал сам Тимофеев-Ресовский.

По прошествии многих лет, после того как мне пришлось взять интервью у многих активных участников борьбы с лысенкоизмом в 1940–1960 гг., часть из которых по разным причинам или сотрудничали с Т.Д. Лысенко на ранних стадиях его карьеры, или публично выступали с восхвалением его деятельности в конце 1930-х — начале 1950-х гг., я понял, что великий генетик и эволюционист XX века Тимофеев-Ресовский не кривил душой и был искренним в своем негодовании. Человеческая память, как правило, сохраняет лишь свои положительные и

национал-социализмом и расизмом. В Германии расовая гигиена возникла из различных теоретических, околонучных течений, объединив социал-дарвинизм, евгенику, расовую антропологию в новой парадигме. Расовая гигиена не была изначально расистской, объединение с расовой антропологией наметило ее крен в эту сторону. Но окончательную роль в ее превращении сыграло объединение с радикальным пангерманизмом, национализмом и нордизмом.

¹⁷ *Gilsenbach R.* Erwin Baur. Eine deutsche Chronik // Beiträge zur nationalsozialistischen Gesundheits- und Sozialpolitik, 1989. Bd. 8. S.184.

¹⁸ *Kröner H.-P., Toellner R., Weisemann K.* Erwin Baur. Naturwissenschaft und Politik. München, 1994. S. 57–70.

¹⁹ Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1980-е гг.) / Ред.-сост. Э.И. Колчинский; отв. ред. С.Р. Миклулинский, Ю.И. Полянский. Л., 1983.

Предисловие

благородные поступки, а также неблагоприятные дела других. Поговорка: «врет, как очевидец» — отражает эту особенность исторических реминисценций, с которыми должен считаться каждый историк, опирающийся в своих сочинениях на личные воспоминания. Однако большинство из них, будучи влюблены в своих героев или не желая отказаться от черно-белого видения прошлого, вольно или невольно способствуют его искажению

В ходе работы над этой книгой я убедился ещё раз, что нашим профессиональным историкам науки остаются неизвестными многие страницы истории биологии — не только немецкой, но и отечественной. В частности, мало кто знает, что многие дореволюционные российские биологи, в том числе и лауреат Нобелевской премии И.И. Мечников, активно участвовали в пропаганде социал-дарвинизма. Вообще расистские и ксенофобские настроения были популярны в дореволюционном научном сообществе, и примеры таких высказываний можно найти в трудах и дневниках В.И. Вернадского, К.С. Мережковского, Д.И. Менделеева, Н.М. Пржевальского, П.К. Козлова и др. Те, кто знакомы с этими страницами из отечественной истории науки, предпочитают о них помалкивать, чтобы не очернить светлые облики российских классиков, забывая о том, что их нельзя судить за то, что они были плоть от плоти детьми своего времени со всеми его достижениями и заблуждениями.

Между тем историческая амнезия общества более опасная вещь, чем индивидуальная. Туда, где молчат историки, приходят циничные политики, которые препарируют труды классиков прошлого не с позиции современной науки и исторического опыта, а в интересах собственных политических групп. Национализм, сопровождаемый притеснением русскоязычного населения во многих бывших республиках СССР, неизбежно порождает ответные чувства оскорбленного русского национального сознания. Некоторым кажутся соблазнительными призывы искать выход из ситуации при помощи расово-гигиенических средств, предложенных в начале XX века, в основе которых и тогда, как казалось многим, лежали светлые чувства патриотизма и желания блага своему народу. Но благими намерениями всегда вымощена дорога в ад. Дорога очищения арийской расы²⁰ принесла бедствие в

²⁰ Понятие «раса» (от итал. «razza» — «род», «порода», «племя», нем. — «Rasse», фр., англ. — «race») не входит в зоологическую номенклатуру и очень редко используется в современной, зарубежной литературе для обозначения географического сегмента вида, т. е. группы популяций в определенном ареале, отличавшихся от остальных популяций вида некоторыми генетически закрепленными признаками. Фактически под ним подразумевают подвид, реальность которого также весьма условна и спорна. Изредка используют словосочетания «дискретная или непрерывная расы», «активная или пассивная расы», «викарирующая раса», «микрорегиональная раса», «экологическая раса», «биологическая раса», «сексуально-биологическая раса», «физиологическая раса», «генетическая раса», «историческая раса» и т. д., перекрывающиеся друг с другом и не имеющие общепринятого значения. «Расы» как систематические подразделения используют только для обозначения внутривидовых групп у современного человека, характеризующихся наследственно обусловленными анатомическими признаками (цвет кожи, глаз, волос, особенности мягких частей лица, черепа, роста и др.), адаптивное значение которых не выяснено. Уже при выделении основных рас существуют разногласия (3 или 5), из-за отсутствия четкой дифференциации по расовым признакам и клинической изменчивости. Их ещё больше при классификации подрас, популяций и т. д. Наиболее принят сейчас географический принцип деления рас на два ствола, исходящий из независимого формирования монголоидной расы (Восточная Азия) и негроидной и европеоидной рас (Передняя Азия), однако наличие представителей

первую очередь Германии, которая в процентном отношении от общей численности населения потеряла почти столько же людей, сколько Советский Союз. Но если у нас разрушения коснулись в основном лишь зоны боевых действий, то в мае 1945 г. вся Германия лежала в руинах, так как страх перед национал-социализмом заставил объединиться даже самых лютых врагов: либералов (Англию, США) и коммунистов (СССР). Кроме того, в немецком национальном сознании до сих пор культивируют чувство вины за преступления нацистов и своего рода комплекс неполноценности по отношению к их англо-американским и советским победителям.

В связи с этим следует приветствовать издание в серии «Библиотека расовой мысли» трудов классиков немецкой расологии XX века — Л. Вольгмана («Политическая антропология», 2000) и Г.Ф.К. Гюнтера («Избранные работы по расологии», 2002). Они дают возможность из первых рук узнать, почему расовые идеи оказались столь заразительны для великого народа, заплатившего впоследствии высокую цену за свое презрение и ненависть к другим нациям и расам. Из этих книг становится ясно, как опасно доверять политическим предпочтениям и национальным эмоциям ученых, выступающих от имени науки. Переходя в политику (а такие переходы порою кажутся совершенно незаметными), любой ученый теряет право говорить от имени своих коллег и науки в целом. Попытки реализовать социальные проекты марксизма и национал-социализма, поданные от имени науки и искренне поддержанные многими учеными, закончились катастрофой, унеся жизни десятков, если не сотен миллионов людей, и загубленные судьбы нескольких поколений Германии, Италии, Китая, Кореи, СССР, Японии и других стран, ставших испытательными полигонами для этих социальных утопий.

Нельзя забывать, что аналогичные идеи оздоровления человечества поддерживали и многие выдающиеся англоязычные ученые (А.Р. Уоллес, Ф. Гальтон, Г.Ф. Осборн, Г.Дж. Мёллер, Дж. Нидхэм, Дж.С. Хаксли, Дж.Б.С. Холдейн и мн. др.), или ратовавшие по гуманистическим соображениям за евгенические мероприятия, или сочувствовавшие построению социализма и считавшие евгенику важным инструментом в оздоровлении человечества²¹. К счастью, им не пришлось

негроидной расы на Новой Гвинее, на Филиппинах и т. д. не дает возможности выдержать и этот принцип деления. Нет единства в науке и по вопросу о факторах расообразования. Все это свидетельствует об отсутствии общепризнанного толкования понятия «человеческие расы». С установлением политипической природы человечества как подвида (*Homo sapiens sapiens*) вида *Homo sapiens*, сформировавшегося примерно 200 000 лет тому назад, деление на расы приобрело еще более условный, конвенциональный характер, особенно с внедрением новейших молекулярно-генетических способов установления генетических отношений, показавших единство генофонда всех современных рас. В то же время существует полное единодушие между антропологами и биологами-эволюционистами по ключевым вопросам: все расы принадлежат к одному виду; все расы абсолютно равноценны в биологических и психических отношениях; все расы находятся на одной и той же стадии эволюционного развития; все расы гетерогенны; нельзя путать «расы человека» с понятиями «народ», «нация», «языковая группа». См. подробнее: Майр Э. Человек как биологический вид // Природа. 1973. № 12. С. 36–43; 1974. № 2. С. 36–43; Алексеев В.П. Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986; Can R.L., Stomaching M., Wilson A.S. Mitochondrial DNA and Human evolution // Nature. 1987. Vol. 325. S. 31–35; Ламберт Д. Доисторический человек. Кембриджский путеводитель. Л., 1991. С. 136–139, 142–145, 158–159, 180–191; Фоули Р. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека. М., 1990. С. 31; Георгиевский А.Б. Антропология. Учебное пособие. СПб., 2002. С. 149–178.

²¹ Галл Я.М. Джулиан Сорелл Хаксли. СПб., 2004. С. 223–258.

Предисловие

испытать на себе воплощения этих утопий на практике. Иная судьба была у их российских и немецких единомышленников. Немало страданий выпало на долю самих биологов, как тех, кто активно участвовал в пропаганде и реализации утопий, возникших из научных трудов, так и противников коммунизма и национал-социализма. Одни из них заплатили кровью и жизнью, другие — годами тюремных заключений, третьи — эмиграцией, четвертые — историческим забвением, что для настоящего ученого не менее страшное наказание.

Биологам Германии, как и их российским коллегам, пришлось пережить немало метаморфоз, связанных со сменами политических систем в первой половине XX в. Сперва они жили и работали в Германской империи, в 1918–1932 гг. — в Веймарской республике, с 1933 по май 1945 гг. — в Третьем рейхе, в 1945–1949 гг. — в оккупационных зонах, в 1949–1990 гг. — в ГДР или ФРГ, и, наконец, с 1991 г. — вновь в объединенной Германии. Характерно, что долгое время немецкие историки науки предпочитали не касаться вопроса о науке, медицине и технике в Третьем рейхе. Две фундаментальные американские публикации о роли отдельных наук и некоторых ученых в нацистской Германии, вышедшие сразу после войны, так и не были переведены на немецкий язык, хотя вплоть до последнего времени не раз переиздавались в США, Англии и других странах²².

В Германии же после войны популярными были рассказы о том, как страдали немецкие ученые при нацистах, которых они якобы все ненавидели и по возможности оказывали им сопротивление. В качестве примера можно привести популярную легенду о том, что немецкие физики во главе с В. Гейзенбергом и Ф. фон Вайцзеккером всячески тормозили создание атомной бомбы в Германии²³. Такое объяснение причин отставания немцев в «атомном проекте» рухнуло в 1992 г., когда английское правительство разрешило опубликовать расшифровку магнитофонных записей разговоров, которые вели в 1945 г. немецкие ядерные физики, интернированные на одну из ферм²⁴. Из нее выяснилось, что у них просто не хватило интеллектуальных, материальных и финансовых сил для успеха, так как не удалось заинтересовать Гитлера и его окружение, сделавших ставку на ракетное оружие²⁵. Но и до этого все большее число американских историков науки выражало сомнение в искренности объяснений немецких физиков, предполагая, что они придуманы участниками немецкого атомного проекта не только для оправдания себя перед союзной администрацией, но и для преувеличения своей ценности в глазах возможных будущих хозяев, дабы скрыть от них подлинные причины неудачи.

Пионерская работа А. Бейерчера о физиках во времена нацизма положила начало новой фазе исследований отношений между немецкой наукой и национал-социализмом²⁶. С тех пор вышли десятки, если не сотни монографий и сборников, посвященные различным аспектам развития отдельных наук в национал-социалистической

²² *Weinreich M.* Hitler's Professors: The Part of Scholarship in Germany's Crimes Against the Jewish People. 1946; *Goudsmit S.* Alsos. Los Angeles, 1946.

²³ *Walker M.* Nazi Science. Myth, Truth and the German Atomic Bomb. Cambridge (Mass.), 1995. P. 243–268.

²⁴ *Frank Ch.* Operation Epsilon: The Farm Hall Transcripts. Berkeley, 1993; *Operation Epsilon. Die Farm-Hall-Protokolle oder die Angst der Alliierten vor der deutschen Atombombe* / Hg. D. Hoffmann. Berlin, 1993; *Walker M.* Nazi Science. P. 207–242.

²⁵ *Walker M.* Nazi Science. P. 183–207.

²⁶ *Beyerchen A.* Scientists under Hitler: Politics and the Physics Community in the Third Reich. New Haven, 1977.

Германии и политическому поведению их представителей. В большинстве из них обсуждают проблемы физики²⁷, техники²⁸ и медицины²⁹.

Пожалуй, никогда медицина не была столь тесно связана, точнее, столь варварски связана со многими отраслями биологии, как в Третьем рейхе. Многие сырые, неустоявшиеся в самой биологии представления и концепции нацисты стремились применить на практике ради улучшения «здоровья нации». Вот почему история расовой гигиены, генетики, антропологии и т. д., а также злоупотребления их данными высококвалифицированными профессионалами — биологами и врачами — составила мощный центр притяжения для многих интересующихся

²⁷ Walker M. Die Uranmaschine: Mythos und Wirklichkeit der deutschen Atombombe. Berlin, 1990; Powers T. Heisenbergs Krieg. Die Geheimgeschichte der deutschen Atombombe. Hamburg, 1993; Rose P.L. Heisenberg and the Nazi Atomic Bomb Project. A Study in German Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1998; Metzler G. Internationale Wissenschaft und nationale Kultur. Deutsche Physiker in der internationalen Community: 1900–1960. Göttingen, 2000; Schaaf M. Heisenberg, Hitler und die Bombe. Gespräche mit Zeitzeugen. Berlin, 2001.

²⁸ Ludwig K.-H. Technik und Ingenieure im Dritten Reich. Athenäum, 1979; Hölsken H.D. Die V-Waffen. Entstehung-Propaganda-Kriegseinsatz. Stuttgart, 1984; Hellmold W. Die V 1. Eine Dokumentation. München, 1988; Naturwissenschaft, Technik und NS-Ideologie; Medizin, Naturwissenschaft, Technik und Nationalsozialismus. Kontinuität und Diskontinuitäten /Hg. C. Meinel, P. Voswinckel. Stuttgart, 1994; Bornemann M. Geheimprojekt Mittelbau. Vom zentralen Öllager des Deutschen Reiches zur grössten Raketenfabrik im Zweiten Weltkrieg. Hamburg, 1994; Schabel R. Die Rolle der Düsenflugzeuge und Flugabwehrraketen in der Rüstungspolitik des Dritten Reiches. München, 1994; Eisfeld R. Mondsüchtig. Wernher von Braun und die Geburt der Raumfahrt aus dem Geist der Barbarei. Reinbek, 1996; Hinchliffe P. The Other Battle. Luftwaffe Night Ages Versus Bomber Command. London, 1996; Neufeld M.J. Die Rakete und das Reich. Wernher von Braun, Peenemünde und der Beginn des Raketenzeitalters. Berlin, 1997; Peenemünde. Mythos und Geschichte der Rakete: 1923–1989. Berlin, 2004.

²⁹ Hillel M., Henry C. Lebensborn e. V. Im Namen der Rasse. Wien; Hamburg, 1975; Kaul F. Die Psychiatrie im Strudel der "Euthanasie". Frankfurt am Main, 1979; Baader G., Schulz U. Medizin und Nationalsozialismus. Berlin, 1980; Leibfried S., Tennstedt F. Berufsverbote und Sozialpolitik 1933: Die Auswirkungen der nationalsozialistischen Machtergreifung auf die Krankenkassenverwaltung und die Kassenärzte. Bremen, 1983; Der Krieg gegen psychische Kranken / Hg. D. Beckmann. Rehburg, 1980; Schmidt G. Die Selection in der Heilanstalt. Frankfurt am Main, 1983; Müller-Hill B. Tödliche Wissenschaft. Die Aussorderung von Juden, Zigeunern und Geisteskranken. 1933–1945. Reinbek, 1984; Geuter U. Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1984; Psychoanalyse und Nationalsozialismus. Beiträge zur Bearbeitung eines unbewältigten Traumas /Hg. H.M. Lohmann. Frankfurt am Main, 1984; Ärzte im Nationalsozialismus /Hg. F. Kudlien. Cologne, 1985; Lilienthal G. Der "Lebensborn e. V." Ein Instrument nationalsozialistischer Rassenpolitik. Stuttgart; New York; Mainz, 1985; Klee E. "Euthanasie" im NS-Staat. Die "Vernichtung lebensunwerten Lebens". Frankfurt am Main 1985; Richter H.-E. Die Chance des Gewissens. Hamburg, 1986; Proctor R. Racial Hygiene. Medicine under the Nazis. Cambridge (Mass); London, 1988; Lifton R.J. Ärzte im Dritten Reich. Stuttgart, 1988; Medizin unterm Hakenkreuz / Hg. A. Thom, G.I. Caregorodčev. Berlin, 1989; Kater M. Doctors under Hitler. Chapel Hill; London, 1989; Lifton R.J. Marcusen E. Die Psychologie des Völkermordes. Stuttgart, 1992; Köhn M. Zahnärzte. 1933–1945. Berufsverbot, Emigration, Verfolgung. Berlin, 1994; Aly G., Chroust P., Pross Ch. Cleansing the Fatherland Nazi Medicine and Racial Hygiene. Baltimore, 1994; Klee E. Auschwitz, die NS-Medizin und ihre Opfer. Frankfurt am Main, 1997; Clay C., Leapmann M. Herrenmenschen — Das Lebensborn-Experiment der Nazis. Berlin, 1997; Medizin und Gewissen. 50 Jahre nach dem Nürnberger Ärzteprozess — Kongressdokumentation / Hg. S. Kolb, H. Seithe. Frankfurt am Main, 1998; Kramer S. "Ein ehrenhafter Verzicht auf Nachkommenschaft":

Предисловие

проблемой взаимоотношения науки и власти³⁰. Среди работ, освещавших развитие биологии в целом, особое место заняли две монографии У. Дайхман, в которых рассмотрены различные институциональные, социально-политические, экономические аспекты развития этой отрасли знания при нацистах, дан всеобъемлющий анализ её роли в Третьем рейхе и приведены краткие биографические сведения обо всех наиболее важных ее представителях в национал-социалистической Германии³¹. Обе книги сразу после выхода в свет стали важнейшими источниками для понимания биологии того периода.

В фундаментальной коллективной монографии под редакцией Р. Фирхауса и Б. фон Брокке было начато разностороннее изучение развития науки, включая и биологию, в Обществе Кайзера Вильгельма (далее КВГ, Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft)³². Содержательный анализ развития биологии в КВГ в годы национал-социалистической Германии с учетом его предшествовавшей истории дан

Theoretische Grundlagen und Praxis der Zwangssterilisation im Dritten Reich am Beispiel der Rechtsprechung des Erbgesundheitsobergerichts Celle. Baden-Baden, 1998; *Psychiatrie in Nationalsozialismus. Die Bayerischen Heil- und Pflegeanstalten zwischen 1933 und 1945* / Hg. M. von Cranach, H.-L. Siemen. München, 1999; *Proctor R. N. The Nazi War on Cancer*. Princeton, 1999; *Seidler E. Kinderärzte. 1933–1945. Entrechtet-geflohen-ermordet. Pediatricians — victims of persecution 1933–1945*. Bonn, 2000; *Vernichten und Heilen. Der Nürnberger Ärzteprozess und seine Folgen* / Hg. A. Ebbinghaus, K. Dörner. Berlin, 2001; *Klee E. Deutsche Medizin im Dritten Reich. Karrieren vor und nach 1945*. Frankfurt am Main, 2001; *Medizingeschichte und Medizinethik. Kontroversen und Begründungsansätze 1900–1950* / Hg. A. Frewer, I.N. Neumann. Frankfurt am Main; New York, 2001. *Schmidt U. Medical Films, Ethics and Euthanasia in Nazi Germany. The History of Medical Research and Teaching Films of the Reich Office for Educational Films: Reich Institute for Films in Science and Education, 1933–1945*. Husum, 2002.

³⁰ *Breitling R. Die national-sozialistische Rassenlehre. Müller-Hill B. Murderous Science: Elimination by Scientific Selection of Jews, Gypsies, and Others. Germany 1933–1945*. Oxford, 1985; *Der Griff nach der Bevölkerung. Aktualität und Kontinuität nazistischer Bevölkerungspolitik* / Hg. H. Kaupen-Haas. Nördlingen, 1986; *Schmuhl H.-W. Rassenhygiene, Nationalsozialismus, Euthanasie. Von der Verhütung zur Vernichtung «lebensunwerten Lebens»*. Göttingen, 1987; *Stocking G.W. Bones, bodies, behavior. Essays on biological anthropology*. Madison, 1988; *Becker P.E. Zur Geschichte der Rassenhygiene — Wege ins Dritte Reich*. Stuttgart; New York, 1988; *Bäumler Ä. NS-Biologie*. Stuttgart, 1990; *Fischer H. Völkerkunde in Nationalsozialismus. Aspekte der Anpassung. Affinität und Behauptung einer wissenschaftlichen Disziplin*. Berlin; Hamburg, 1990; *Weindlich P. Epidemics and Genocide in Eastern Europe 1890–1945*. Oxford, 2000; *Weiss Sh. The Race Hygiene Movement in Germany, 1904–1945* // *Osiris*. 1987. № 3. P. 193–236; *Weingart P., Kroll J., Bayertz K. Rasse, Blut und Gene. Geschichte der Eugenik und Rassenhygiene in Deutschland*. Frankfurt am Main, 1988; *Hansen F. Biologische Kriegsführung im Dritten Reich*. Frankfurt am Main; New York, 1993; *Satzinger H. Die Geschichte der genetisch orientierten Hirnforschung von Cécile und Oskar Vogt (1875–1962, 1870–1959) in der Zeit von 1895 bis ca. 1927*. Stuttgart, 1998; *Wissenschaftlicher Rassismus. Analysen einer Kontinuität in der Human- und Naturwissenschaften* / Hg. H. Kaupen-Haas, Ch. Saller. Frankfurt am Main; New York, 1999; *Wetzell R. Inventing of Criminal: History of German Criminology. 1880–1945*. Chapel Hill, 2000; *Naturschutz und Nationalsozialismus* / Hg. J. Radkau, F. Uekörner. Frankfurt am Main, 2003.

³¹ *Deichmann U. Biologen unter Hitler; Deichmann U. Flüchtlinge, Mitmachen, Vergessen. Chemiker und Biochemiker in der NS-Zeit*. New York; Chichester, a oth. 2001.

³² *Albrecht H., Hermann A. Die Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Dritten Reich // Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft-Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm / Max-Planck-Gesellschaft* / Hg. R. Vierhaus, B. vom Brocke. Stuttgart, 1990. S. 356–406.

в книге К. Макракис³³. В итоге при президенте Общества Макса Планка (далее — МПГ, Max-Planck-Gesellschaft, MPG — так КВГ стало называться после войны) создана специальная комиссия, изучающая историю этого ведущего научного учреждения Германии при национал-социалистах. Комиссия под общей редакцией Р. Рюрупа и В. Шидера начала публикацию многотомной серии под общим названием «История Общества Кайзера Вильгельма при национал-социализме» (*Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalsozialismus*). В 2000 г. под редакцией Д. Кауфман опубликованы две части первого тома³⁴, в которых дан обзор состояния этого вопроса и намечены перспективы будущих исследований. В ряде статей рассматривались и расово-гигиенические, антропологические, селекционные, генетические и медицинские исследования, связанные с идеологией и практикой национал-социализма. В последовавшие годы в рамках этой программы были напечатаны несколько фундаментальных книг и репринтов, освещающих как отдельные стороны деятельности Общества Кайзера Вильгельма в области биологии, так и жизненные перипетии ее наиболее крупных представителей³⁵.

Аналогичные программы изучения истории собственного учреждения во времена национал-социализма разрабатывают академии³⁶, общества и фонды³⁷, университеты³⁸.

³³ *Macrakis K. Surviving the Swastika: Scientific Research in Nazi Germany*. New York; Oxford, MA, 1993.

³⁴ *Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalsozialismus. Bestandsaufnahme und Perspektiven der Forschung* / Hg. D. Kaufmann. Göttingen, 2000. Bde. 1–2.

³⁵ *Sachse C., Massin B. Biowissenschaftliche Forschung an Kaiser-Wilhelm-Instituten und die Verbrechen des NS-Regimes. Information über den gegenwärtigen Wissensstand*. Berlin, 2000; *Heim S. Research for Autarky. The Contribution of Scientists to Nazi Rule in Germany*. Berlin, 2001; *Autarkie und Ostexpansion. Pflanzenzucht und Agrarforschung im Nationalsozialismus* / Hg. S. Heim. Göttingen, 2002; *Rassenforschung an Kaiser-Wilhelm-Instituten vor und nach 1933* / Hg. H.-W. Schmuhl. Göttingen, 2003; *Heim S. Kalorien, Kautschuk, Karrieren. Pflanzenzüchtung und landwirtschaftliche Forschung in Kaiser-Wilhelm-Instituten 1933–1945*. Göttingen, 2003; *Die Verbindung nach Auschwitz. Biowissenschaften und Menschenversuche an Kaiser-Wilhelm-Instituten. Dokumentation eines Symposiums* / Hg. C. Sachse. Göttingen, 2004; *Adolf Butenandt und die Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft. Wissenschaft, Industrie und Politik im “Dritten Reich”* / Hg. W. Schieder, A. Trunk. Göttingen, 2004; *Schwerin A. von. Experimentalisierung des Menschen. Der Genetiker Hans Nachtshheim und die vergleichende Erbpathologie 1920–1945*. Göttingen, 2004.

³⁶ *Fischer W. Exodus von Wissenschaften aus Berlin. Fragestellungen — Ergebnisse — Desiderate. Entwicklungen vor und nach 1933 (Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Forschungsbericht 7)*. Berlin; New York, 1994; *Die Elite der Nation im Dritten Reich. Das Verhältnis von Akademien und ihrem wissenschaftlichen Umfeld zum Nationalsozialismus. Leopoldina-Symposium vom 9. bis 11. Juni in Schweinfurt* / Hg. M. Folkerts. Halle, 1995; *Die Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1914–1945* / Hg. W. Fischer. Berlin, 2000.

³⁷ *Zierold K. Forschungsförderung in drei Epochen. Deutsche Forschungsgemeinschaft. Geschichte — Arbeitsweise — Kommentar*. Wiesbaden, 1968; *Kater M.H. Das “Ahnenerbe” der SS. 1935–1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches*. München, 1997; *Hammerstein N. Die Deutsche Forschungsgemeinschaft in der Weimarer Republik und im Dritten Reich. Wissenschaftspolitik in Republik und Diktatur*. München, 1999.

³⁸ *Hartshorne E.Ya. The German Universities and National Socialism*. London, 1982; *Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte. Bd. V. 1918–1945. Die Weimarer Republik und die nationalsozialistische Diktatur* / Hg. D. Langewiesche, H.-E. Tenorth. München, 1989; *Heiber H. Universität unterm Hakenkreuz. Bd. 1: Der Professor im Dritten Reich. Bilder aus der akademischen Provinz. Bd. 2: Die Kapitulation der Hohen Schulen. Das Jahr 1933 und seine Themen*. München; London; New York; Paris, 1991; *Jansen Ch. Professoren und Politik. Politisches Denken und Handeln der Heidelberger Hochschullehrer 1914–1935*. Göttingen, 1992; *Höpfner H.-P. Die Universität Bonn im Dritten Reich*.

Предисловие

Начинают выходить даже книги об отдельных факультетах³⁹. Публикуется все больше книг о выдающихся биологах того периода (Э. Бауре, А. Бутенандте, О. Варбурге, Г. Геберере, К. Лоренце, Г. Нахтсхайме, Э. Штреземане, Г. Штуббе и др.), в которых уже не замалчиваются годы их научного творчества в Третьем рейхе, а объективно анализируется вся их научная деятельность, включая и сотрудничество с национал-социалистами. В многочисленных работах обсуждаются различные аспекты социально-культурного и научного контекста, в котором разворачивалась деятельность биологов в начале XX века, в период между двумя мировыми войнами и в годы войны, а затем в побежденной Германии. Авторы пытались ответить на следующие вопросы. Как немецкие биологи относились к «модерну» и «модернизации»? Какова, по классификации Ф.К. Рингера⁴⁰, судьба «мандаринов»⁴¹ и прагматиков-экспертов? Почему они все внешне столь единодушно поддерживали национал-социализм? Существовал ли особый стиль немецкой биологии? Насколько отличалась наука в Германии и в либерально-демократических странах Запада, прежде всего США, в период увеличивающейся специализации и профессионализации? Почему среди немецких биологов доминировали расово-гигиенические, евгенические и расологические воззрения, сопровождаемые изрядной долей антисемитизма? В какой мере биологи смогли сохранить свободу исследования в условиях «аризации», «нацификации» и «милитаризации» («Arisierung», «Nazifizierung», «Militarisierung»)⁴², когда руководство институтами, научными обществами, академиями и университетами перешло в руки национал-социалистов, которые, со своей стороны, пытались как-то утвердиться между министерствами и партийными организациями во все возрастающем хаосе политической системы Третьего рейха? Как менялось отношение биологов к политике и государству, которое выдвигало перед ними все новые и новые требования? Как на развитии биологии отразилось то, что карьера ученых с 1933 г. определялась не столько научной квалификацией, сколько политическими взглядами?

Авторы названных выше работ не ограничились историей самой биологии, а стремились проанализировать политико-идеологическую и социальную обстановку, которая между двумя мировыми войнами претерпевала столь кардинальные изменения, что предшествовавшую ее историю исследователи воспринимали как относительно безмятежную. Многие ученые, всячески содействовавшие властям в Первой мировой войне, в Веймарской республике не раз были обвинены в том,

Akademische Biographien unter nationalsozialistischer Herrschaft. Bonn, 1999; Eberle H. Die Martin-Luther-Universität in der Zeit des Nationalsozialismus 1933–1945. Halle, 2002; “Kämpferische Wissenschaft”. Studien zur Universität Jena im Nationalsozialismus / Hg. U. Hossfeld, J. John, O. Lemuth, R. Stutz. Köln; Weimar; Wien, 2003; Die Berliner Universität in der NS-Zeit. Bd. 1: Strukturen und Personen / Hg. Cr. Jahr; Bd. 2: Fachbereiche und Fakultäten / Hg. R. vom Bruch. München, 2005.

³⁹ Die Marburger Medizinische Fakultät im “Dritten Reich” / Hg. G. Aumüller, K. Grundmann, E. Krähwinkel, H.H. Lauer, H. Remschmidt. München, 2001.

⁴⁰ Ringer F.K. The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933. Cambridge (Mass.), 1969.

⁴¹ Так со времен М. Вебера стали иронически называть немецкую профессуру конца XIX — начала XX вв., находившуюся, как правило, на государственной службе и сравниваемую поэтому с китайскими чиновниками — мандаринами. Как правило, все они были выходцами из образованных кругов среднего класса (Bildungsbürgertum). Но до книги Рингера подобное название не было общепринятым.

⁴² В англоязычной и немецкоязычной литературе часто используют термин «фашизация» (Faschisierungsprozess), однако он является некорректным, так как спутывают две разные вещи: итальянский фашизм и немецкий национал-социализм.

что не обеспечили победу, и, пережив хаос и кризис Веймарской республики, увидели в приходе Гитлера к власти «национальную революцию» и надежду на возрождение великой Германии, окончательно похороненную в мае 1945 г. Затем всем им пришлось приспосабливаться к оккупационным властям, далее к работе в условиях разделенной Холодной войной Германии. Не случайно некоторые из них, как, например, профессор патологии из Йены Г. Брунс, уверяли, что только что закончившийся век немецкие биологи не должны отождествлять с XX веком григорианского календаря. На самом деле он начался в 1918 г., когда рухнула Германская империя, а закончился демонтажем Берлинской стены в 1989 г. С этой даты Брунс предлагает вести отсчет XXI века, названного им веком постмодернизма⁴³. Но если следовать его логике, то и в выделяемом им временном отрезке в 75 лет было немало грандиозных политико-социальных изменений, оказавших не меньшее влияние на судьбы немецкой биологии, чем крах кайзеровского рейха и снос Берлинской стены.

Именно поэтому работы, посвященные периоду с 1914 по 1945 гг., особенно важны для историков, изучающих взаимодействие науки с властью, обществом, а также влияние на поведение ученых политики и идеологии. В них показана судьба одного из старейших и авторитетнейших научных сообществ мира на протяжении тридцатилетнего перманентного кризиса. В условиях этого кризиса немецкие ученые не были пассивной, страдавшей стороной. Напротив, многие из них активно участвовали в формировании новых отношений между наукой и национал-социалистическим государством, в разработке и реализации научной политики, в осуществлении социально-политических утопий и даже в преступлениях против человечества. Большинство из оставшихся в Германии биологов охотно согласилось с изменениями своих функциональных ролей и общественного статуса, приняв на себя роль разработчиков научных основ политики и идеологии нацизма, осознав духовное единство с ним и вступая колоннами в его организации и союзы. Это неизбежно сказалось на тематике и на языке научных исследований, ритуалах научных мероприятий, ценностях и традициях научного сообщества, стиле поведения ученых. В период денацификации, правда, они все стремились изобразить себя жертвами нацизма⁴⁴. Особенно усердствовали в этом те, чья научная карьера удачно сложилась в Третьем рейхе, прежде всего за счет вступления в национал-социалистическую немецкую рабочую партию (далее НСДАП — *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*), эсэсовские отряды (далее СС — буквально, охранные отряды — *Schutzstaffeln der NSDAP*)⁴⁵, штурмовые отряды (далее СА — *Sturmabteilung der NSDAP*), а также борьбы с неарийскими учеными и мнимыми противниками «немецкой науки». Но не следует забывать и о том, что и остальные биологи в поиске новых форм взаимоотношений с государством старались с максимальной выгодой для себя воспользоваться намерениями властей развивать определенные отрасли знаний, важные для обеспечения экономической и военной мощи,

⁴³ *Brunns G. Eine Zeitdiagnose des XX Jahrhunderts — Von einem Betroffenen // Acta Historica Leopoldina. Vorträge und Abhandlungen zur Wissenschaftsgeschichte. 1999/2000. № 36. S. 9.*

⁴⁴ *Walker M. German National Socialism and the Quest for Nuclear Power, 1939–1949. New York, 1989. P. 192–203.*

⁴⁵ В эти отряды зачисляли лиц, безупречных в расовом отношении, т. е. признанных соответствовавшими стандартам нордической расы, защита которой была одной из главных задач СС: *Wegner B. Hitlers politischen Soldaten: Die Waffen-SS. 1933–1945. Leitbild, Struktur und Funktion einer nationalsozialistischen Elite. Paderborn, 1990. S. 70–73.*

Предисловие

для идеологического оправдания своей политики, для решения задач внешней и внутренней политики.

Им удалось убедить власти в необходимости финансовой и материальной поддержки крупномасштабных проектов как необходимых для процветания государства и реализации его политико-идеологических целей. В то же время провалилась попытка нацистов централизовать научные исследования, превратив науку в важнейший элемент политики и идеологии, в мощный инструмент военной индустриализации. Стремление регулировать и контролировать все научные исследования не только не обеспечило нацистам победу во Второй мировой войне, но нанесло непоправимый ущерб самой немецкой биологии, потерявшей целое поколение потенциальных ученых в результате расовых и идеологических чисток гражданских служащих, политизации школ и университетов, а также огромных человеческих жертв во Второй мировой войне⁴⁶. Опыт немецкой биологии в XX в. явно свидетельствует в пользу здорового консерватизма при реформировании науки и её институтов. Новые формы организации науки и её отношений с государством и обществом нередко таят в себе зародыши других, более глубоких кризисов. Немало подтверждений этого тезиса можно найти в недавней истории немецкой биологии⁴⁷.

Изучение специфических политических, социальных, экономических и культурных условий формирования, организации и практики научного знания и его использования во времена Третьего рейха шло главным образом на примере биохимии, генетики, эволюционной теории, антропологии, экологии и др. История конкретных отраслей знания наглядно показала, что нужно анализировать различные уровни научной реальности: результаты научного познания, соответственно научную практику, специфические формы организации знания и саму национал-социалистическую научную политику. Здесь, прежде всего, речь идет о снятии запретов на умерщвление — эвтаназию («щадящую смерть»), «Gnaden Tod», убийство в национал-социалистической терминологии) тяжело больных и неугодных в расовом и политическом отношении. В результате миллионы заключенных, военнопленных, больных и обитателей сумасшедших домов превратились в экспериментальный материал для антропологов, биологов, медиков, психиатров и генетиков. И этим занимались отнюдь не псевдоученые садисты, а уважаемые специалисты, которые спокойно использовали представившиеся им возможности для проведения ранее невообразимых экспериментов при решении вопросов, поставленных самой мировой наукой.

Изучение взаимосвязей исследований медико-биологического комплекса с идеологией и практикой нацистов позволило выяснить связь расово-гигиенических и генетических исследований с расовой и демографической политикой национал-социалистов. Многочисленные примеры участия биологов в уничтожении людей подтвердили трактовку национал-социализма как доминирования целенаправленных действий, свободных от моральных обязательств. Однако, насколько связано подобное освобождение от морали с духом свободы самого научного поиска, ещё предстоит исследовать. Вместе с тем, уже ясно, что мероприятия по рациональному планированию общества, включая политику расовой гигиены,

⁴⁶ Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalsozialismus. Bde. 1–2.

⁴⁷ Macrakis K. Surviving the Swastika; Die Kaiser-Wilhelm / Max-Planck-Gesellschaft und ihre Institute. Studien zu ihrer Geschichte: Das Harnack-Prinzip / Hg. B. vom Brocke, H. Laitko. Berlin, 1990; Kater M.H. Das «Ahnenerbe» der SS; Proctor R. The Nazi War on Cancer. Princeton; New York, 1999; и др.

берут свое начало в гуманитарных науках, зародившихся на грани веков, когда во многих отраслях биологического знания, по словам одного из протагонистов «немецкой биологии» Э. Лемана, формировалась научная «основа национал-социалистического мышления»⁴⁸. Речь шла, прежде всего, об эволюционной теории, антропологии, генетике и медицине, концепции, постулаты и факты которых вошли в парадигму расовой гигиены. Суть её заключалась в проведении селективных мероприятий на базе оценки общественной значимости наследственных признаков и медико-биологических норм. Интерпретация общества как некоего «народного тела», «генофонда» и попытки его разумно организовать, с одной стороны, вырастали из медико-терапевтических мероприятий, а с другой стороны, базировались на вере в возможность генетически обоснованного и рационально осуществляемого контроля над размножением человека вплоть до вмешательства в сами процессы наследственности. Генетико-селекционные мероприятия по учету, отбору и уничтожению носителей тех или иных свойств можно было осуществить в особых политических, социальных и культурных условиях. Их набор стал возможен лишь при национал-социализме и наиболее ярко проявился в мерах по умерщвлению больных.

Но здесь интересен и более широкий спектр отношений немецкой биологии и расоведения к национал-социалистической системе, связанной с расовой политикой и политикой уничтожения целых народов. Ведь и генетики, и ботаники из КВГ активно участвовали в разработке «генерального плана “Ост”», при реализации которого было осуществлено хищение генетических коллекций на оккупированных территориях, включая и разграбление селекционных станций, организованных Н.И. Вавиловым.

Сравнительный анализ истории биологии в нацистской Германии и СССР позволил по-новому взглянуть на суть происходивших событий и разработать собственную концепцию о диалектической и арийской биологиях как специфических формах «идеологически корректных наук», неизбежно возникающих в условиях ускоренной модернизации при тоталитарных режимах, ищущих способа вырваться из тисков масштабных кризисов.

В отличие от СССР, где существует богатая традиция нелегальной литературы и устных преданий, из которых хорошо видно реальное отношение того или иного биолога к господствовавшей идеологии, в распоряжении историков биологии нацистской Германии, как правило, имеются только опубликованные труды и материалы государственных архивов, в которых преимущественно содержатся одобрительные высказывания в адрес теории и практики нацизма и почти нет критических замечаний. Понятно, что в условиях тотальной слежки, бесконечных доносов, бесед и допросов письма, дневники, а тем более обращения к властям были изначально сфальсифицированы самими авторами, озабоченными не столько точностью изложения своих мыслей, сколько необходимостью показать любому из потенциальных читателей, что они всецело поддерживают политику и идеологию национал-социализма. Поэтому о реальном отношении того или иного биолога к происходившим событиям порой можно лишь догадываться на основе материалов секретных служб, членства в нацистских организациях и т. д.

Цель этой работы — провести сравнительный анализ развития биологии в первой половине XX в. в России и Германии, ее диалектизации в СССР и аризации в

⁴⁸ *Lehmann E. Vererbungslehre, Rassenkunde und Rassenhygiene // Der Biologe. 1938. Jg. 7. S. 306–310.*

Предисловие

Германии, и показать, что идеологизация и политизация биологических исследований шла в рамках общего социально-культурного, политического и социально-экономического кризиса, в котором оказались обе страны после Первой мировой войны. Фактически они были неизбежным следствием ускоренной модернизации стран при помощи тоталитарных способов управления. Это позволит лучше понять динамику биологии в сложной конфигурации идеологии, политики и власти. В то же время эта книга посвящена, прежде всего, нормальной науке, академической и университетской, стремящейся к максимальной свободе от идеологии, политики и разного рода конъюнктурных соображений, ее лидерам и просто хорошим ученым, оказавшимся в обстановке перманентного кризиса, политического террора и идеологического давления и делавшим все от них зависящее, чтобы спасти любимое дело, порой ценой собственной жизни, как это было со многими советскими генетиками. Хотя в книге ученые часто изображены далеко не всегда в «белых одеждах», ее задача — показать, что на самом деле *не было* ни арийской, ни пролетарской биологии. Под этими названиями чаще всего скрывалась нормальная, неидеологизированная и неполитизированная наука, проблемы которой решались в условиях тотальных идеологий, загубленных жертв и потерянных талантов. Для выявления путей трансформации роли, функций и содержания биологии в обоих государствах, выяснения воздействия экстремистских политических течений на структуру биологического сообщества и выбор приоритета в исследованиях, оказалось необходимым учитывать поведение ученых в условиях кризиса, влияние государственного устройства на функционирование и выживание научных институтов.

* * *

К написанию этой книги меня побудили сугубо академические интересы, но в какой-то момент я начал ощущать ее завершение как долг перед памятью десятков миллионов людей, отдавших свою жизнь на полях Второй мировой войны. Одной из ее причин, и это я стараюсь доказать в книге, была ошибочная доверчивость общества к воззрениям отдельных биологов, использованных политиками для достижения своих целей. Человечество, и прежде всего русский народ, дорого заплатило за исправление этой ошибки. Около 100 миллионов погибших, убитых и умерших от болезней и голода, сотни миллионов неродившихся на свет, полтора миллиарда людей в Азии и Европе с искалеченными судьбами, сотни тысяч уничтоженных сел и городов, десятки миллионов квадратных километров разоренной территории — цена, которую пришлось заплатить ради спасения цивилизации. Попытки оправдать или реанимировать идеологию национал-социализма — это, прежде всего, акция, направленная против России и ее культурообразующего народа как главного противника национал-социалистического Третьего рейха и его геополитических планов. Один из плакатов, развешенных гитлеровцами на оккупированной территории СССР, звучал следующим образом: «Мы живем для того, чтобы убить русского». Жаль, что это не рассказывают десяткам тысяч русских подростков те, кто выводит их на улицы с нацистской символикой⁴⁹. А о судьбе главного союзника

⁴⁹ Следовало бы им знать и о том, что сторонники концепции превосходства «тевтонской» или «нордической» расы считали славян стоящими гораздо ниже в расовом и культурном отношении. Так, согласно иммиграционным законам 1903 и 1907 гг., принятым в США под давлением приверженцев этой концепции, переселенцы славянского происхождения, вместе с евреями и выходцами из прибалтийских губерний России, были отнесены

Гитлера — Э. Рёма, приведшего Гитлера к власти при помощи штурмовых отрядов и убитого вместе со всеми своими ближайшими сотрудниками через год по его же приказу, пусть помнят те, кто готов проложить дорогу очередным фюрерам⁵⁰.

к четвертой (последней) категории национальностей, эмиграция которых в США является нежелательной, а натурализация должна проходить ускоренными темпами под жестким контролем. Иммиграционный закон 1917 г. положил начало серии ограничительных актов, закрывшим путь в США многим категориям россиян, включая и деятелей науки. См.: *Ульянкина Т.И.* «В целях сохранения национальной русской науки...» // ВИЕТ. 2006. № 1. С. 96–97.

⁵⁰ Я не склонен упрощать причины возникновения российского национал-социалистического движения в современном обществе, сводя их к замыслам неких недалеких политических кругов или враждебных сил. Увы, для него есть объективные основания. В числе факторов, подпитывающих национал-социализм в Российской Федерации, не раз справедливо называли: неэффективность так называемой демократической власти, осуществленные под ее эгидой передел собственности, разгром отечественной промышленности, вооруженных сил, науки и системы образования; ее неспособность предотвратить кровавые конфликты и геноцид во многих республиках бывшего СССР, катастрофическое обнищание народа, рост терроризма; культивирование у граждан России чувства ущербности, изгоев мирового сообщества; дикий национализм и русофобия в странах ближнего зарубежья и т. д. Это привело к дискредитации либерально-демократических ценностей в обществе. Ответственность за нее несут, прежде всего, лидеры, выступавшие от имени демократических сил, у которых «хватательный рефлекс» оказался сильнее павловского «рефлекса свободы». Отождествление национал-социализма («фашизма») с коммунизмом породило сумятицу в головах подрастающего поколения, оставшегося без ценностных ориентиров на постсоветском пространстве, но не желавшего принять дух жестокого меркантилизма и жаждавшего отомстить за «поруганную Родину». У многих возникает чувство исторической ошибки во Второй мировой войне, когда СССР воевал со странами, якобы родственными ему по идеологии и мировоззрению, т. е. с гитлеровской Германией, в союзе со странами-носителями либерально-демократических ценностей, представленных в уродливом и искаженном виде в современной России. Упрощенная трактовка 70 лет советской власти, в которых сторонники этих же ценностей ничего не желают видеть, кроме голода, массовых репрессий, тоталитарного идеолого-политического контроля и хронического дефицита, естественно, вызывает чувства протеста у значительной части населения, помнящей и о Великой Победе 1945 г., и о блестящих достижениях в области науки и техники, сделавших СССР «сверхдержавой». Все это порождает убеждение, что тоталитаризм в условиях России — наиболее эффективная система правления. Поскольку возврат к коммунизму невозможен, а либерально-демократические ценности дискредитированы, остается один путь — национализм, к которому неизбежно будет добавлена вторая часть — социализм. Считается, что его еще в России не было и стоит только заключить «антифашистский пакт», как все образуется. На самом деле, Россия все это проходила в 1881–1916 гг. Политика шовинизма и национализма Александра III — Николая II привела к Февралю и Октябрю 1917 г., явившим миру «жестокие и бессмысленные русские бунты-революции» (*Барковец О., Крылов-Толстикович А.* Неизвестный император Александр III. Очерки о жизни, любви и смерти. М., 2003. С. 179). У десятков миллионов людей на оккупированных территориях в 1941–1944 гг. также был и опыт жизни при национал-социалистах. Но при тотальном недоверии к властным структурам и их идеологам всякая правда о преступлениях национал-социалистов воспринимается теперь многими как остатки коммунистической пропаганды или происки сионистов. Практически малоизвестно, что из 13,5 млн. мирных жителей СССР (7,2 млн. уничтожены карательными отрядами, 2,7 — скончались на принудительных работах в Германии, 3,6 млн. умерли от голода на оккупированной территории) евреев было 1,5 млн., а остальные 12 млн. человек в основном белорусы и русские.

За последние 150 лет Россия в поисках идентичности испробовала несколько моделей государственных устройств и идеологий. Как долго будет продолжаться этот бег в кровавом колесе, никто не знает. Без ликвидации вечной, а ныне принявшей невиданные масштабы, отчужденности власти от народа всякие попытки «обустроить Россию» бессмысленны.

Предисловие

С первых дней своей жизни, а я вырос в интернациональной семье (отец — еврей по происхождению, но сугубо русский человек по культуре и поведению, мать — украинка с отцовской стороны и русская с материнской, бабушка — чистокровная русская, потомок астраханских крестьян, основавших г. Уссурийск на Дальнем Востоке), позднее в многолетнем общении с друзьями, среди которых преобладали русские, но были украинцы, евреи, латыши, эстонцы, татары, немцы, американцы, узбеки, азербайджанцы, армяне, китайцы т. д., и обучении у выдающихся биологов-эволюционистов и историков науки (К.М. Завадский — из древнего шляхетского рода Завадских-Рогалей, Ю.И. Полянский — из древнего дворянского рода Случевских, Д.В. Лебедев — из русских разночинцев) я многократно убеждался в правильности слов матери: «Нет плохих и хороших национальностей, есть только хорошие и плохие люди». Я искренне благодарен своим родителям, бабушке, учителям, друзьям, коллегам за то, что никогда в жизни я не усомнился в этом принципе. В течение XX века доминировали лозунги с призывами к объединению, направленные на разобщение человечества («Пролетарии всех стран, объединяйтесь», «Арии всех стран, объединяйтесь», «Мусульмане всех стран, объединяйтесь» и т. д.). Вряд ли ситуацию изменит новый лозунг: «Порядочные люди всех стран, объединяйтесь», так как отделить порядочных от непорядочных еще сложнее, чем пролетария от мелкого частного собственника, чистокровного арийца от смешанного в расовом отношении немца, правоверного мусульманина от террориста. Но надо помнить одно, что в настоящее время генетикой окончательно доказано не только то, что все мы принадлежим к одному биологическому виду, но и то, что у всех ныне живущих на Земле была общая «праматерь Ева», жившая приблизительно 200 000 лет тому назад, возможно, в районе Сахары⁵¹. Всякие попытки деления человечества по крови не имеют никаких биологических оснований. Расизм (расология) никогда не был наукой, он и сейчас остается орудием циничных политиков, готовых ради личных интересов пожертвовать, прежде всего, собственным народом, противопоставляя его всему человечеству⁵².

Возможно, книга будет иметь дидактический смысл. В трагических трансформациях немецкой и российской биологии проступают не только преходящие эффекты моды и политической конъюнктуры, но и некие глубинные процессы, сделавшие закономерным вовлечение биологов в практику тоталитарных систем. Возможно, историческая самопроекция пройденного пути на современную ситуацию на всем постсоветском пространстве будет способствовать осознанию многими политиками пагубности пути разыгрывания националистической карты для решения преходящих проблем. Он вел к трагедии, прежде всего, их народов, о

⁵¹ Этот вывод базируется на данных молекулярной биологии (идентификация микросателлитных маркеров, полиморфных нуклеотидных замен, подсчет нуклеотидных отличий в митохондриях и нерекомбинантной части мужской половой Y-хромосомы у разных рас современного человека, картирование генома человека, распределения групп крови, и т. д.) и палеоантропологии: *Уилсон А.К., Канн Р.Л.* Недавнее африканское происхождение людей // *В мире науки.* 1992. № 6. С. 8–14; *Diamond J.* The Third Chimpanzee. The Evolution and Future of the Human Animals. New York, 1992. P. 15–65; *Mayr E.* This is Biology. The Science of the Living World. Cambridge (Mass.); London, 1998. В «Информационном вестнике ВОГиС» (2006. Т. 10. № 1) даны новейшие сведения об эволюционной генетике человека. P. 231–232; *Горбунова В.Н.* Что вы знаете о своем геноме? СПб., 2001. С. 83–100. В «Информационном вестнике ВОГиС» (2006. Т. 10. № 1) даны новейшие сведения об эволюционной генетике человека.

⁵² *Майлз Р., Браун М.* Расизм. М., 2004. С. 211–214.

процветании которых они так пеклись, а затем нередко и к их собственной гибели. Я буду рад, если книга заставит и ученых задуматься об оправданности их претензий быть советчиками политиков, жаждущих строить светлое будущее на костях современных поколений, и не обольщаться иллюзиями быстрого решения сложнейших социально-политических проблем путем внедрения непроверенных методов и концепций в хозяйственную и общественно-политическую практику. Понимая всю иллюзорность подобных надежд, очень хочу верить, что хотя бы научное сообщество попыбует извлекать уроки из своего прошлого, т. е. из истории науки.

Я благодарен моим коллегам: М.Б. Адамсу, Д. Вайнеру, Л. Грэхему, Д. Тодесу, М. Уолкеру из США, Дж. Вейндлингу и Дж. Харвуду из Англии, Д. Бойрау, В. Бэму, П. Вайнгарду, К. Венигу, А. Гойс, Е.-М. Энгельс, Э. Краусе, Р. Лётеру, Н. Рупке, Г.В. Шмулю, У. Хоссфельду, Т. Юнгеру, И. Ян из Германии, Я. Рабкину из Канады, Хироши Ичакава из Японии, Г.К. Шмутцу из Швеции беседы с которыми, а особенно их труды, сыграли важную роль в формировании взглядов на проблемы динамики науки при тоталитарных режимах Германии и России. Особо я признателен директору Института современной истории в Ганноверском университете М. Хайнеману, которой мне очень помог при сборе архивного и литературного материала в Германии, а также В. Хинче. Встречи с Лю Дуном, Бао О, Бай Ли Пейшен и с другими китайскими коллегами дали возможность узнать особенности развития генетики и биологии в первые два десятилетия существования КНР, что было важно в плане формирования сравнительной методологии. Ю.А. Виноградов и А.Н. Дмитриев прочитали внимательно весь текст книги и сделали важные замечания и предложения по его улучшению. Огромную работу по совершенствованию текста в грамматическом и стилистическом отношении проделали И.А. Белозерова и А.В. Бекасова. С.В. Ретунская помогла проверить некоторые библиографические данные. Г.В. Снежинская исправила ряд ошибок в названии немецких работ, а Е.Н. Фатьянова проделала огромную работу по подготовке иллюстративного материала. Окончательный вариант был прочтен А.Н. Дмитриевым, который указал мне ряд важных современных работ по общей истории Германии. А.Б. Георгиевский прочитал отдельные, наиболее трудные для меня разделы по антропологии. Наконец, я крайне признателен своей семье, особенно жене Н.В. Колчинской за то, что она в течение многих лет мирилась с тем, что наша квартира больше похожа на библиотеку и офис после стихийного бедствия, пожара, ограбления и обыска, чем место для жилья. Выражая искреннюю признательность всем, кто прямо или косвенно способствовал написанию этой книги, я принимаю полностью на себя ответственность за её недостатки.

глава первая

ДИНАМИКА БИОЛОГИИ, ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВА И ИДЕОЛОГИИ В ТОТАЛИТАРНЫХ РЕЖИМАХ

Историко-сравнительный анализ крупных социально-политических и экономических потрясений, от Английской революции XVII в. до «культурной революции» в Китае, включая Французскую революцию, события в Советской России, Веймарской и нацистской Германии, США во времена «великой депрессии» и маккартизма, милитаристской Японии, показал, что наука страдала в этих условиях одной из первых¹. Нередко именно в ней видели причину кризиса или орудие его преодоления. Когда государство и общество зажаты в тисках экономических, социально-политических и идеологических кризисов, идет болезненный пересмотр и переоценка сложившихся норм и правил взаимодействия науки и государства, ведущая к выработке хотя бы временных схем этих отношений, удовлетворяющих все стороны. Власти, неудовлетворенные докризисными формами взаимодействия с учеными, стремились заставить исследователей работать над нужными им проблемами, требуя «идеологически корректной» науки, в которой открыто признавалась бы верность власти, ее политике, идеологии и философии². Пересмотр взаимодействия науки, общества и власти завершали выработкой новых конфигураций их отношений, форм организации науки, изменением общественного статуса ученых, модификацией тематики и языка научных исследований, ритуалов научных мероприятий, традиций и этики научного сообщества. Новые формы не всегда оказывались долговечными. В условиях неустойчивости обострялась конкуренция внутри научного сообщества; борьба идей приобретала идеологический и политический оттенок; разрешение внутринаучных конфликтов шло с привлечением властных структур, что всегда было чревато новыми кризисами.

В период между двумя мировыми войнами, по крайней мере, три ведущие страны пережили тяжелейший кризис: революционная Россия прошла из пламени гражданской войны в горнило ускоренной индустриализации и коллективизации; Германия испытала все тяжести поражения в войне, не справилась с политической демократией и выбрала диктатуру национал-социализма; США пережили «Великую депрессию». И в Веймарской республике, и в США предлагали «объявить науке выходной» и наложить мораторий на исследования. Иначе было в Советской

¹ Александров Д.А., Колчинский Э.И. Наука и кризисы XX века: Россия, Германия и США между двумя мировыми войнами // Наука и безопасность России: историко-научные, методологические, историко-технические аспекты / Отв. ред. А.Г. Назаров. М., 2000. С. 288–325.

² Gordin M., Grunden W., Walker M., Zuoyue Wang. “Ideologically correct” science // Science and Ideology. A Comparative History / Ed. M. Walker. London; New York, 2003. P. 35–65.

России и нацистской Германии, где часть научного сообщества пыталась убедить власти, что будущее зависит от особых наук: «пролетарской» или «арийской». Эта тенденция сильно проявилась в биологии.

«Пролетарская», «диалектическая» биология в России и расовая биология в Германии — примеры попыток диалога науки и власти на базе общей идеологии. Чрезмерная восприимчивость биологии к идеологическим и политическим влияниям породила множество мифов о «мягко» и «жестко» идеологизированных науках, о «героях и злодеях науки», о биологах-«жертвах», «пособниках» и «инициаторах» преступлений режима, о биологах «под Гитлером», «при Гитлере», «с Гитлером» и т. д. Остается неясным, почему биологи, в том числе и первоклассные, охотно шли на сотрудничество с властью, участвуя в псевдонаучных проектах.

Обширный архивный и литературный материал, многочисленные беседы и интервью с активными участниками «диалектизации» биологии позволяют интерпретировать поиски «союза» биологии с официальной философией, характерные для СССР 1920-х — начала 1930-х гг., а также для Веймарской и нацистской Германии, как один из способов облегчить диалог ученых с властями в периоды кризисов. Биологи обеих стран знали, сколь опасна выжидательная позиция. Они активно занимались научной политикой: выступали с проектами и предложениями, боролись за свой статус, вели переговоры, шли на компромиссы, совершали сделки, обзаводились патронами среди политической элиты, используя их для решения организационных и финансово-административных вопросов. При этом идеология тоталитаризма и обслуживающая его философия, а порою и отдельные отрасли науки выполняли роль политической религии³. Вместе с тем поиски «союзов» биологии и философии в Германии и СССР протекали в различных социально-культурных контекстах.

Биология между наукой и идеологией

Из естественных наук биология в наибольшей степени испытала воздействие жесткого административно-государственного управления и оказалась восприимчивой к различным политическим и идеологическим влияниям. Расовая гигиена⁴ и расовая антропология в Германии и мичуринская биология в СССР показали, как ради политических целей отдельные фрагменты научного знания идеологизировали и возводили в ранг веры, что, в конечном счете, превращало науку в её противоположность. Стремление понять механизмы подобного превращения и мотивы поведения ученых в этот период породило обширную литературу о биологии в нацистской Германии⁵ и сталинском Советском

³ “Totalitarismus” und “Politische Religionen”. Konzepte des Diktaturvergleichs / Hg. H. Maier. Paderborn u. a. 1996; Duskurse und Entwicklungspfade. Der Gesellschaftsvergleich in den Geschichts- und Sozialwissenschaften. Frankfurt am Main; New York, 1999; Fritze L. Täter mit gutem Gewissen. Über menschliches Versagen im diktatorischen Sozialismus. Köln; Weimar, 1998.

⁴ Несмотря на близость многих исходных положений расовой гигиены и евгеники, принято различать их, считая последнюю ненационалистической, нерасовой, нацеленной преимущественно на позитивную селекцию, подчеркивавшей добровольность стерилизации, отрицавшей умерщвление носителей патологических заболеваний и отдающей приоритет воспитательно-просветительской работе, а также социальным реформам.

⁵ См. сноски 18–20 в предисловии.

Союзе⁶, где анализируются взаимоотношения между наукой, идеологией и властью в условиях идеологического и политического господства партийной номенклатуры, осуществлявшей непрерывный контроль за всеми сторонами жизни общества, каждым её членом, и проводящей массовые репрессии. При этом нередко забывают, что эти взаимоотношения эволюционировали, и степень свободы отдельных ученых и отраслей знания зависела в значительной мере от государственной значимости проводимых исследований. Для успеха сравнительных исследований науки в сталинском СССР и гитлеровской Германии важно выяснить исходные социально-культурные и политические условия, в которых начиналось развитие российской биологии в послереволюционный период. Иначе трудно понять, почему, в отличие от Германии, где национал-социалисты быстро установили жесткую дисциплину и подчинили науку политико-административному контролю, в СССР потребовалось более трех десятилетий для установления, и то лишь на несколько лет, господства «мичуринской биологии».

При анализе взаимоотношений между биологией, идеологией и властью авторы, как правило, основное внимание уделяли деятельности Т.Д. Лысенко и её связи с общей партийно-государственной политикой, обусловившей подъем лысенкоизма и его процветание. События обычно освещали с позиций одной из групп участников дискуссий тех лет, деля их на абсолютно правых и безусловно виноватых. Биологическое сообщество представляли жертвой лысенковщины, порожденной сталинским режимом⁷. Попытки некоторых авторов возложить часть вины за

⁶ Joravsky D. Soviet Marxism 1917–1932. New Haven, 1961; Graham L. Science and Philosophy in the Soviet Union. New York, 1966; Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л., 1991. Т. 1; СПб., 1993. Т. 2; Сойфер В.Н. Власть и наука. М., 1993; Weiner D. Models of Nature: Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington. 1988; Löther R. Lyssenkoismus contra Genetik // Biol. Zentralbl. 1996. Bd. 115. S. 171–176; На переломе: Советская биология в 20-х — 30-х годах. Вып. 1 / Ред. Э.И. Колчинский. СПб., 1997; Weiner D. Little Corner of Freedom. Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkley; Los Angeles; London, 1999; Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии. Дискуссии и репрессии 20-х — начала 30-х гг. СПб., 1999; Ноздрачев А.Д., Поляков Е.Л., Зеленин К.Н. и др. И.П. Павлов. Первый Нобелевский лауреат России. СПб., 2004. Т. 1–3; И.П. Павлов. Достоверность и полнота биографии / Сост. Ю.А. Виноградов, Ю.П. Голиков, Т.И. Грекова. СПб., 2005; На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX вв. Вып. 3: Источники, исследования, историография / Ред. Э.И. Колчинский, М.Б. Конашев // Нестор. № 9. СПб., 2005; и др.

⁷ Гайсинович А.Е. У истоков советской генетики. I. Борьба с ламаркизмом: 1922–1927 гг. // Генетика. 1968. Vol. 4. № 6. С. 158–175; Gaisinovich A.E. Origin of Soviet Genetics and the Struggle with Lamarkism // J. Hist. Biol. 80. № 13. P. 1–51; Гайсинович А.Е. Зарождение и развитие генетики. М., 1988; Резник С. Н.И. Вавилов. М., 1968; Фролов И.Т. Генетика и диалектика. М., 1968; Medvedev Zh. The Rise and Fall of T.D. Lysenko. New York; London, 1969; Joravsky D. The Lysenko Affair. Cambridge (Mass.), 1970; Бляхер Л.Я. Проблема наследования приобретенных признаков. М., 1971; Lecourt D. Proletarian science? The case of Lysenko. London, 1977; Александров В.Я. Трудные годы советской биологии. Записки современника. СПб., 1993; Филатов В.П. Об истоках лысенковской «агробиологии» (опыт социально-философского анализа) // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 3–23; Страницы истории советской генетики в литературе последних лет // ВИЕТ. 1987. № 4. С. 115–125; 1988. № 1. 121–132; Soyfer V. Lysenko and the Tragedy of Soviet Science. New Brunswick, 1992; Левина Е.С. Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... Биология в СССР: история и историография. М., 1995; и мн. др.

лысенкоизм и на самих ученых⁸, как правило, с негодованием отвергали⁹. Правда, доминировавшая в отечественной литературе апологетика сотрудничества ученых с советской властью сменились поиском только негативных его последствий¹⁰. Но история науки — не лучшее место для нравоучительных жизнеописаний в духе Плу-тарха. Даже хрестоматийные примеры свидетельствуют, что этичность ученого определяется его верностью ценностям и нормам самой науки. Тем более нельзя определять события судить по мифам перестроечной публицистики. Важнее понять причины сотрудничества ученых со сталинским и гитлеровским режимами.

Многие ученые, пережившие ужасы Первой мировой и гражданской войн, смерть близких от холода, голода, погромов и расстрелов, инфляцией, массовой безработицу, позор Брест-Литовского и Версальского мирных договоров, были деморализованы, что сказывалось на их отношениях с властями. Исследователи были разочарованы идеями монархизма и либеральной демократии, приверженцы которых привели к краху и междоусобной войне великую Россию, к перманентному состоянию политико-экономического и социального кризиса Германию и поставили под угрозу существование двух великих государств. Но не только это толкало их на сотрудничество с большевиками или нацистами. У них появился шанс использовать мощные государственные ресурсы для реализации своих научных планов и притязаний на активное участие в разработке и принятии правительственных программ. И они были искренне уверены, что только прогресс науки обеспечит будущее процветание их стран.

Причины лысенкоизма как общественно-политического явления в науке XX в. не сводятся лишь к пристрастиям и вкусам руководителей советского государства. Подобное объяснение неприменимо и к арийской биологии в Германии. В трагических событиях истории двух стран сталкивались противоречивые тенденции, в которых нашли выражение интересы весьма неоднородных социальных групп с разным уровнем образования, нравственного сознания и с разным представлением о гражданском долге. Шел непрерывный процесс разрушения правящих элит во всех слоях общества. Торжествующие победители в политике, экономике, культуре, науке вскоре сами становились гонимыми, подвергаясь зачастую жестоким репрессиям. Неизбежная деформация общественного сознания в условиях жесточайшего социально-политического и экономического кризиса наложила прямой или опосредованный отпечаток на многие события последующих десятилетий и на тех, кто в них участвовал. Легенда о людях в «белых одеждах» мало соответствует открываемой историками картине постоянно инспирируемых дискуссий, многочисленных кампаний разоблачений, чисток и репрессий 1920-х — 1940-х гг.

Для создания более или менее объективной реконструкции важно исследовать разные аспекты социально-политических и нравственно-психологических составляющих борьбы идей в науке, проходившей в условиях бюрократической

⁸ Дубинин Н. П. Вечное движение. М., 1973; Берг Р. Л. Суховой. Воспоминания генетика. Нью-Йорк, 1983. Поповский М. Дело академика Вавилова. Нью-Йорк, Эрмитаж, 1986.

⁹ Левина Е. С. Трагедия Н. И. Вавилова // Репрессированная наука. Л., 1991. Вып. 1. С. 223–239; Лебедев Д. В. Помогают ли опыты на простейших понять трагические события в отечественной биологии // На переломе. СПб., 1997. Вып. 1. С. 165–170.

¹⁰ Сорочкина М. Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 248–255.

регламентации научной жизни, административной системы управления наукой, гитлеровского вождизма, сталинских репрессий и волюнтаризма Н.С. Хрущева. Однако сами эти феномены исследованы еще слабо, не ясны причины, породившие и питавшие их. До сих пор в архивах лежат документы, способные пролить свет на будто бы внешние по отношению к науке события, которые были важными факторами происходивших изменений в научном сообществе, сыграв роль пусковых механизмов свершившихся трагедий. Объективная реконструкция недавних событий затруднена тем, что они не только сохраняются в памяти их участников, но и вызывают эмоциональное отношение у историков науки, которые еще недавно не имели возможности рассказать обо всех перипетиях отечественной истории. В истории науки Нового времени трудно найти примеры столь грандиозных попыток идеологизировать и политизировать научные исследования, как это было в Германии и в СССР в 1930-х — начале 1950-х гг.

Объектом данного исследования выбраны те отрасли биологии, которые оказались в центре бушевавших тогда дискуссий, и их использование в идеологии и политике. Именно в биологии была предпринята всеобъемлющая попытка создания некой особой пролетарской науки, методологической основой которой провозглашали философию диалектического материализма. В Германии методологической основой подобного «союза» объявили мировоззрение «почвы и крови»¹¹.

В исследованиях взаимодействия биологии и власти в СССР долгое время основное внимание уделяли дискуссиям вокруг генетики или же борьбе «механицистов» со сторонниками «меньшевистствующего идеализма». В СССР авторы этих работ, как правило, старались найти положительные моменты в становлении «союза» диалектического материализма и биологии в 1920-х — начале 1930-х гг.¹² Исключение до недавнего времени представляли лишь изданные за рубежом работы И. Яхота¹³, но и здесь автор скорее скорбел об участии философов-марксистов тех лет, чем пытался оценить реальный результат их деятельности.

Не могут удовлетворить и умножившиеся в последние годы попытки вести анализ социально-политических и идеологических факторов в отрыве от реальных проблем науки, бывших предметом дискуссий. Броские определения типа «сталинская наука», «нацистская наука», произносимые порой с иронией или даже издевкой, не могут скрыть тот факт, что и в либеральных англоязычных странах, и в гитлеровской

¹¹ Фактически в Третьем рейхе философия была упразднена, значительную часть философов изгнали из университетов, а от остальных потребовали верности национал-социалистическому мировоззрению с его идеями почвенничества, тотальности, холизма, биологизма, принципа фюрерства, единства науки и политики, милитаризма и т. д. Философия для нацистов была элитарным теоретизированием, чуждым реальности: *Leske M. Philosophen im "Dritten Reich". Studie zu Hochschul- und Philosophiebetrieb im faschistischen Deutschland.* Berlin, 1989. S. 65–90; *Dahms H.-J. Philosophie // Die Rolle der Geisteswissenschaften im Dritten Reich 1933–1936 /* Hg. F.-R. Hausmann. München, 2002. S. 193–228.

¹² *Алексеев П.В.* Марксистско-ленинская философия и медицина в СССР. М., 1970; *Ксенофонтов В.И.* Диалектический материализм и научное познание. Л., 1981; *Ильин А.Я., Мамзин А.С., Капралова Т.И.* Биология // История философии в СССР. М., 1985. Т. 5. Кн. 1; *Галл Я.М., Колчинский Э.И.* Общая характеристика развития эволюционной теории в СССР // Развитие эволюционной теории в СССР. Л., 1983. С. 62–78; *Георгиевский А.Б., Колчинский Э.И.* Дарвинизм и диалектический материализм // Философские науки. 1985. № 1. С. 36–43; и др.

¹³ *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы). Нью-Йорк, 1988.

Германии, и в сталинском СССР наука, в конечном счете, была одна и та же. Например, принципиальные идеи основополагающих книг по синтетической теории эволюции, написанные в Англии Дж.С. Хаксли, в США Ф.Г. Добржанским, Э. Майром и Дж. Симпсоном, в Германии Г. Геберером, Б. Реншем, В. Циммерманом, Н.В. Тимофеевым-Ресовским, В. Людвигом, в СССР Г.Ф. Гаузе, Н.П. Дубининым и И.И. Шмальгаузенем, были одинаковыми, хотя мировоззренческие и идеологические постулаты провозглашались совершенно разные. Самый рьяный сторонник приоритета социальных факторов в развитии науки вряд ли может дать вразумительный ответ на вопрос, почему даже столь идеологизированная наука, как эволюционная теория, развивалась сходно в самых различных социально-культурных условиях и, по сути дела, давала сходный набор конкурирующих концепций: неокатастрофистские концепции О. Шиндевольфа в Германии и Д.Н. Соболева в СССР; номогенез Л.С. Берга в СССР и Д. Розы в Италии и т. д. Все это побуждает к дальнейшему, более комплексному исследованию истории биологии в сталинском СССР и национал-социалистической Германии, которая уже несколько десятилетий привлекает внимание историков науки. Но если на Западе подобные исследования ведутся десятки лет с использованием огромного массива архивных материалов, то в России и Восточной Европе к ним смогли обратиться только в последние пятнадцать лет. Открытие архивов позволило только с 1989 г. начать исследования сложного и противоречивого процесса «советизации» науки.

Ввиду многомерности феномена «советизация» существуют различные направления в изучении его когнитивных, социально-психологических, социально-антропологических, идеолого-политических, экономических, институциональных, семантических, семиотических и символических аспектов. Долгое время для его описания использовали два цвета: белый и черный. Символом подобного подхода стал один из бестселлеров перестройки — роман В.Д. Дудинцева «Белые одежды» (1987). Открывшиеся архивы способствовали разрушению многих мифов о бескорыстных искателях истины в белых одеждах, что породило стремление изображать всех участников тех трагических событий, символом которых стал разгром генетики и торжество лысенкоистов, в серых тонах. Эта тенденция проявилась в книгах Н.Л. Кременцова «Сталинская наука», М. Давид-Фокс «Революция в умах» и др.¹⁴ Более того, порою всю историю отечественной науки принялись описывать исключительно в черных тонах¹⁵. В то же время все чаще появляются работы, в которых дан многоаспектный, не ангажированный анализ советской науки¹⁶.

¹⁴ *Krementsov N.* The Stalinist Science. Princeton, 1997; *David-Fox M.* Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca; London, 1997; *Academia in Upheaval. Origins, Transfers and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and East Central Europe* / Ed. M. David-Fox, G. Péteri. Westport; London, 2000.

¹⁵ *Романовский С.И.* Наука под гнетом российской истории. СПб., 1999; *Романовский С.И.* «Притащенная» наука. СПб., 2004; *Салахутдинов Г.* Блеск и нищета К.Э. Циолковского. М., 2000.

¹⁶ *Weiner D.* A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkley; Los Angeles; London, 1999; *Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler* / Hg. D. Beyrau. Göttingen, 2000; *Gerovitch S.* From Newspeak to Cyberspeak. Hystory of Soviet Cybernetics. Cambridge (Mass.), 2002; *За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки* / Отв. ред. М. Хайнеман, Э.И. Колчинский. СПб., 2002; *Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки* / Отв. ред. Ж.И. Алфёров. СПб., 2003. Профессиональный историко-научный стиль

На мой взгляд, дальтонизм при описании процессов «советизации» науки столь же мифологичен, как и недавно господствовавшая легенда о «героях и злодеях российской науки». Его обычно декларируют как объективный анализ, призванный преодолеть якобы насквозь идеологизированную и политизированную прежнюю советскую историографию науки. Приводится также аргумент, что ранее историк науки главным образом ориентировался на научные сообщества не гуманитариев, не историков, а на представителей математики, физики, химии, геологии и т. д. и старался как-то приукрасить историю той или иной науки, чтобы заслужить одобрение их представителей. Указывается также, что в историю науки в советское время шли специалисты в области физики, математики, химии и т. д., потерпевшие фиаско в своих областях и вынужденные строить карьеру в других, используя при этом базовое образование.

Если следовать подобной логике, то любую смену сферы деятельности нужно рассматривать как проявление отсутствия таланта в выбранной специальности. Как известно, ни в СССР, ни в России историков науки не готовили в высших учебных заведениях, и все современные специалисты в этой области знания, включая и сторонников данной точки зрения, были раньше микробиологами, зоологами, физиологами, психиатрами, биохимиками, физиками и т. д. Им, конечно, лучше знать, почему и от чего они пришли в историю науки, возможно, действительно убедившись в ошибке на старте жизненного пути, что было естественным для многих, в том числе иногда и настоящих ученых, а может, испугавшись тяжести конкуренции и большей объективности оценок результатов в области естественных наук. Но сама по себе мобильность в науке, если она не сопровождается дилетантизмом и конъюнктурщиной, не раз доказывала свою эффективность, в том числе и в области естественных наук. Не случайно многие, если не большинство признанных историков и методологов науки, от Б. Рассела и Дж. Бернала до Т. Куна, М.Т. Гизелена, И. Лакатоса, Э. Майра и др., в историю науки пришли после того, как сделали имя в соответствующих отраслях знания, воспитав после этого уже чистых историков науки, для которых, увы, отсутствие навыков исследовательской работы в физике, математике, биологии не способствовало улучшению качества их исторических исследований. То же характерно и для советских историков науки. В частности, классики советской истории биологии — Б.Е. Райков, Л.Я. Бляхер, А.Е. Гайсинович, И.И. Канаев, К.М. Завадский и мн. др. — не только ни потерпели неудачу в биологии, но и пользовались громадным авторитетом среди элиты мирового научного сообщества. Немалое значение имела и их нравственная позиция в борьбе с лысенковщиной, за которую некоторые из них поплатились прерванными карьерами, годами безработицы и даже заключений.

Аргумент о большей объективности историка по сравнению с математиком, физиком, химиком и др. кажется вообще странным. Ведь во все времена и при всех правителях история всегда была наиболее ангажированной даже среди гуманитарных наук. Да и сейчас многие из историков легко меняют свои исследовательские установки. В естественных науках, где ученый отвечает своей репутацией

демонстрируют в своих трудах и многие российские историки науки, становление которых пришлось или на годы перестройки, или уже существования Российской Федерации как независимого государства (А.Ф. Андреев, Н.Е. Берегой, О.Ю. Елина, А.И. Ермолаев, Л.Я. Жмудь, А.В. Куприянов, Ю.А. Лайус, К.О. Россиянов, Г.А. Савина, А.А. Федотова, С.И. Фокин, Р.А. Фандо и мн. др.).

перед научным сообществом, столь ярко выраженный адаптационный синдром в принципе невозможен, хотя примеры конъюнктуры и приспособляемости там тоже нередки. Представители естествознания, пришедшие в историю науки в 1950–1960-х гг., часто после десятилетий репрессий и гонений, в СССР 1970–1980 гг., как правило, стремились к максимальной отстраненности от политико-ангажированных позиций. Не случайно крупнейший биолог XX века Э. Майр одну из своих последних статей посвятил «памяти крупного мыслителя и педагога К.М. Завадского»¹⁷. В ней он выражал благодарность Завадскому за то, что благодаря ему смог лучше понять методологические установки собственных работ. Конечно, были историки науки и техники, которые буквально в последние годы советской власти писали о партийности в исследованиях истории науки и техники, обосновывая свои выводы решениями партийных съездов и трудами классиков марксизма. Но как раз многие из них стали самыми яркими обличителями советской историографии науки¹⁸.

Однако вопрос даже не в том, кто больше и кто меньше политически и идеологически ангажирован в своих научных трудах, кто и чем занимался до перестройки, кто и от кого получал деньги, кто, когда и за сколько менял свои убеждения. Оставим эти темы для средств массовой информации. Многолетний опыт общения с рядом выдающихся деятелей советской биологии, которые сыграли огромную роль в борьбе с лысенковщиной и преодолении ее последствий, убедил меня в том, что среди них было немало бескорыстных искателей истины. При этом все они были яркими личностями, непохожими друг на друга, каждый имел собственную мотивацию и стратегию поведения, которые нередко менялись не столько от социально-культурного контекста, сколько от эволюции научных взглядов.

Всякое историко-научное исследование предполагает изучение огромного комплекса источников: архивных, литературных, устных и т. д., на базе которых строятся более или менее обоснованные реконструкции и делаются выводы. В последние годы стали доступны многие партийные и государственные архивы, в том числе ЦК ВКП(б) и НКВД и т. д., которые позволяют лучше понять многие пусковые механизмы в трагической истории советской науки. Но смотреть на науку только через документы Отдела науки и агитации или протоколы допросов арестованных ученых, на наш взгляд, дело бесперспективное. Отдел науки ЦК, по сути дела, в то время не занимался самой наукой, а преимущественно конфликтами между учеными, характерными для любого научного сообщества, но приобретающими политическое значение в условиях тоталитарного режима. Многие ученые для сохранения или укрепления своих позиций, защиты или расправы с конкурентами, поиска денег и т. д. действительно апеллировали в партийные органы за поддержкой, но не это составляло суть их научной деятельности. О достоверности протоколов допросов вряд ли стоит вообще говорить¹⁹.

¹⁷ Майр Э. Корни диалектического материализма // Природа. 2004. № 9. С. 73.

¹⁸ Салахутдинов Г.А. Принцип партийности в исследованиях по истории техники // Методологические проблемы истории техники и научно-технической революции. М., 1988. С. 19–29; Салахутдинов Г.А. Мифы о творчестве К.Э. Циолковского. М., 2000; Салахутдинов Г.А. История космонавтики или мифотворчество // Инженер. 2000. № 6. С. 20–21.

¹⁹ В этом отношении показательны даже материалы допросов арестованных по «Академическому делу», когда, по крайней мере, к основным участникам не применяли мер физического давления. Что правда, а что ложь в протоколах, выяснить невозможно: Академическое дело. 1928–1931 гг. Вып. 1. Ч. 1–2; Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова / Отв. ред. В.П. Леонов. СПб., 1993. Вып. 2. Ч. 1–2; Дело по обвинению академика Е.В. Тарле / Отв. ред. В.П. Леонов. СПб., 1998.

В так называемой «объективистской истории» науки отсутствует сама наука как специфическая практика, направленная, при всей ее противоречивости и многогранности, в конечном счете, все же на приобретение нового знания. Обычно подлинный успех приходит только к талантливому, целеустремленному и удачливому человеку, преданному своему делу. Примеров этого в советской истории можно найти немало. В противном случае СССР не смог бы конкурировать с США в области военной технологии и освоении космоса. Изображение всех советских ученых как занимавшихся научной практикой только ради финансирования, поиска патронажа среди власть предержащих, выстраивания социальных сетей, создания собственных школ как мафиозных группировок, построения «научных империй» и т. д. оставляет без ответа главные вопросы: «Для чего они это делали?», «Что они сделали?», «Как они это сделали?», «Почему у них были столь различные результаты?» и «Насколько их результаты соответствовали уровню мировой науки?». Без ответа на эти вопросы история науки теряет всякий смысл, как бессмысленна военная история без сражений, история литературы без художественных сочинений и т. д. В итоге мы имеем не столько нейтралистский анализ или объективистскую картину прошлого, сколько субъективный мир автора, конструировавшего всех своих героев от Н.И. Вавилова до Т.Д. Лысенко, от П.Л. Капицы до А.А. Максимова, от И.В. Сталина до Р.Я. Дозорцевой по своему образу и подобию²⁰.

Недавно М. Давид-Фокс отметил приход нового поколения американских историков российской науки. Отказавшись и от модернизма Холодной войны, и от социального объективизма, при котором вся научная жизнь изображалась как очередь в пустой магазин и стремление ускорить «вертикальную» динамику, они основное внимание стали уделять субъективным свидетельствам эпохи, прежде всего мемуарам, дневникам и письмам²¹. Тем самым в историю науки стал возвращаться важный аспект духовного мира и переживаний активных участников происходивших событий. Ученых вновь стали воспринимать не как безликих носителей научных практик и «пауков социальных сетей», а как субъектов истории науки. Бесспорно, данный подход будет способствовать преодолению крайностей социального конструктивизма, делая более разноцветными и многообразными исторические реконструкции.

Следуя, в целом, принципам нейтральности исторического исследования, с которым я в общем согласен, я старался, избегая, по возможности, морализирования и пафоса, использовать все цвета радуги и их оттенки при реконструкции процессов «советизации» биологии, рассматривая ее наряду с «аризацией» и «нацификацией» биологии в Германии как один из способов симбиоза государства и научного сообщества. Специфика этих процессов выражалась в стремлении государства контролировать всю научную деятельность, чтобы с максимальной

²⁰ Сочинения ряда сторонников «объективистской» истории науки так же трудно назвать проникновением в прошлое, как исторические романы В. Пикуля «Пером и шпагой», «Битва железных канцлеров» и др., столь популярные в 1970–1980-х гг. В них все государственные деятели Российской империи XVIII–XIX вв. от императоров, цариц, канцлеров, полководцев до низших офицерских чинов выглядели удивительно однообразно: пьяницы, воры, скандалисты, развратники и развратницы, хамы, дураки и т. д. Писать же об истории науки, игнорируя суть исследуемых проблем — занятие не только бесполезное, но и бессмысленное: ведь не зная языка ирокезского, об оном ничего сказать нельзя кроме глупостей.

²¹ Давид-Фокс М. Введение. Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 5–48.

эффективностью для себя использовать ее для получения в первую очередь знаний, применимых для развития экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей политики и господства в обществе, для повышения своего международного престижа, представляя то или иное государство как подлинного защитника науки. Понимая, что образование и наука составляют единую систему, от которой впрямую зависит воспроизводство государственных чиновников и интеллигенции, правящая элита в СССР старалась не только поставить все сферы духовного производства под свой контроль, но воспитать особую разновидность ученых, разделявших её мораль, планы и мировоззрение. К тому же стремились, в сущности, и национал-социалисты, однако в силу традиций германской науки и сохранившейся системы ее финансирования из разных источников им сложнее было это сделать.

Со своей стороны, научное сообщество, оказавшееся в условиях, когда только государство предоставляло средства для осуществления грандиозных научных проектов, вынуждено было искать особые формы взаимоотношений с властями и обществом. Достигнуть взаимопонимания оказалось не столь трудно, так как «советизация» протекала в стране, где науку многие ещё воспринимали как некое экзотическое растение, насильственно пересаженное волею Петра Великого из-за рубежа на российскую почву²². Для ее выживания все ещё требовалась поддержка государства, а сами лидеры научного сообщества были убеждены, что без мощного государственного финансирования и создания им особых благоприятных условий её развитие невозможно.

Диалог российских ученых с властями в первое десятилетие после революции вселял немало надежд, так как советское правительство именно в науке видело средство выжить, преодолеть кризис, порожденный мировой и гражданской войнами, и построить светлое будущее. Власть стремилась убедить научное сообщество направить свои усилия прежде всего на достижение общенациональных целей, побуждая ученых вести преимущественно прикладные исследования. Научные результаты пытались получить при минимуме затраченных средств и сил ценой индивидуального напряжения ученых.

Выбранный подход, как кажется, позволяет лучше понять механизмы преобразования отношений науки, государства и общества и мотивы поведения отдельных ученых, их групп и научного сообщества в целом. Ученые, способствовавшие краху царского режима, одними из первых пострадали от революции. Аналогичная история произошла и со сторонниками арийской физики и биологии. Нуждаясь в их поддержке в первые годы гитлеровского режима, власти уже вскоре не захотели считаться не только с их притязаниями на участие в управлении обществом, но даже на свободу творчества. Не желая довольствоваться прежними формами организации научных исследований и их эффективностью, они хотели

²² С.И. Романовский в книге ««Притащенная» наука» (СПб., 2004) доказывает даже, что наука так и осталась чуждой российскому менталитету, «притащенной» из-за рубежа и поэтому не нужной ни власти, ни промышленности, ни народу. В какой-то степени с этим можно согласиться, но в каждом случае встает вопрос, о каком правительстве, о какой промышленности и даже о каком народе идет речь. Вряд ли можно отрицать, что за три века существования российской науки эти три главных фактора, определяющих место науки в обществе, менялись в России, мучительно искавшей в течение всего этого времени свою национальную идею. К тому же о «притащенной науке» можно говорить по отношению фактически к любому государству, так как даже в страны Европы она была «притащена» из Древнего мира арабами.

знать, чем арийские варианты физики могут быть полезнее Третьему рейху, чем критикуемая ее сторонниками Ф. Ленардом и Й. Штарком теория относительности. И безжалостно расставались со своими верными союзниками, если их исследования имели меньшее значение для промышленных и военных нужд Германии, чем труды приверженцев релятивистской и квантовой физики²³. В поиске новых форм взаимоотношений науки и государства каждая из сторон старалась с максимальной выгодой для себя использовать неустойчивость ситуации. Государство при этом руководствовалось сиюминутными утилитарными соображениями военно-оборонного, социально-экономического или идеолого-политического порядка, а научное сообщество в целом старалось остаться в русле мировой науки.

Для достижения своих целей ученые старались убедить власти в необходимости финансировать научные проекты, подогревая их утилитаристские настроения. В тех случаях, когда государственный бюджет стал единственным источником финансирования научных исследований, конкуренция внутри научного сообщества за покровительство власть предержащих неизбежно резко обострилась, а лоббирование научных проектов во властных структурах стало необходимым для выживания. Неизбежны были этические и политические компромиссы.

Научное сообщество в целом было готово принимать любую идеологическую риторику и служить власти, требуя от нее взамен финансово-материальные ресурсы и, по возможности, невмешательство в саму науку. Хотя ученые были подвержены идеологическим влияниям, но в своей научной практике они следовали стандартам мировой науки. Даже наиболее идеологизированные области естествознания, например, эволюционная теория, разветвились, в целом, в направлении, соответствовавшем мировым тенденциям. В свою очередь, режим вынужден был терпеть идеологическое инакомыслие и идти на уступки тем ученым, которых считал полезными для себя (И.П. Павлов, В.И. Вернадский в СССР), или закрывать глаза на их неарийское или ненемецкое происхождение (О.Г. Варбург и Н.В. Тимофеев-Ресовский в Германии)²⁴.

В условиях идейно-политического контроля со стороны государства борьба представителей различных концепций приобретала идеологический и политический оттенок; разрешение внутринаучных конфликтов шло с привлечением властных структур, но навязываемые ими решения научное сообщество в целом не принимало, и мнимая стабилизация оказывалась чреватой новыми кризисами во взаимоотношениях ученых с властью. Поэтому формы организации науки, выработанные в процессах ее «советизации» и «нацификации», в конечном счете, были недолговечными.

Вопросы общественно-политической ориентации, социального статуса, профессиональной деятельности, образа жизни, эмоционально-психологического состояния и менталитета научной интеллигенции особенно важны для изучения действующих сил в процессах идеологизации и политизации науки. В силу своего положения в обществе ученые вынуждены были участвовать в решении актуальных социально-экономических и политических проблем. Научная интеллигенция,

²³ Walker M. *Nazi Science. Myth, Truth, and the German Atomic Bomb*. Cambridge (Mass.), 1995. P. 41–63.

²⁴ Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. М., 2002; Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н.В. Тимофеева-Ресовского / Сост. Я.Г. Рокитянский. М., 2003; Rütting T. *Pavlov und Neue Menschen. Über Disziplinierung in Sowjetrussland*. Oldenburg, 2002.

воспринимая себя как носителя национального разума, способного создать рациональные формы общественной жизни, претендовала на активное участие в управлении государством и выработке стратегических решений. Между двумя полюсами в интеллигенции — олицетворяющими эту власть и противостоящими ей — находились многочисленные группы, различные по политическим симпатиям и нравственным убеждениям, социальным ориентировкам. В поведении научной интеллигенции наиболее ярко выражалось личностное отношение к событиям, поскольку происходившее было прямо связано не только с их материальным положением и социальным статусом, но и с нравственным самосознанием, миром моральных и этических ценностей.

Научная интеллигенция, адаптируясь к тоталитарным режимам, решала, на первый взгляд, трудносовместимые задачи: с одной стороны, стремилась усилить свою профессиональную независимость, а с другой стороны — получить большую финансово-материальную поддержку от властей и обеспечить приток талантливой молодежи в науку. Власть же за предоставляемые ресурсы требовала не только, а иногда и не столько практических результатов, сколько идейно-политической поддержки.

«Советизация» науки в СССР и «нацификация» науки в Германии прошли несколько этапов. Сложившиеся ещё в послереформенной России противоречия между наукой и абсолютистским государством сыграли пагубную роль уже в событиях XX в., когда творческая интеллигенция не только не поддержала царское правительство, но была в первых рядах его противников, добивавшихся свержения режима. Зарождавшаяся в предреволюционное десятилетие плюралистическая система частных и государственных научных учреждений была сметена вихрем гражданской войны в 1918–1921 гг., а во взаимоотношениях науки и власти возник глубокий кризис, который власть пыталась преодолеть, прежде всего, путем жесточайших репрессий, арестами, расстрелами, голодом, обысками, конфискацией имущества и квартир.

Временным выходом из этого кризиса, разразившегося в годы революции и гражданской войны, была сложная система, существовавшая в 1922–1928 гг., когда научные учреждения, как правило, получали множественную поддержку из разных источников. Но вскоре Советский Союз перешел к ускоренной индустриализации и тотальной коллективизации. В итоге и эта система была разрушена в годы «культурной революции» (1929–1933). Вместо нее по решению сверху была создана жестко регулируемая централизованная наука. Ученым пришлось осмысливать и заново формулировать представления о своем месте в национальном строительстве и об ответственности государства за развитие науки. Судебными процессами, расстрелами и ссылками ученых приучали к абсолютной лояльности по отношению к властям. Как ни странно, но в этих условиях наука не только выжила, но и укрепила свое положение в государстве и обществе. Правда, за это пришлось заплатить потерей независимости, а как позднее выяснилось, и потерей потенциала своего развития.

В период развернутой подготовки ко Второй мировой войне (1934–1941) наука превратилась в важнейший элемент безопасности государства, что придало ей беспрецедентное политическое значение. Исход войны в немалой степени зависел от отношений между властью и научным сообществом. Уже с 1934 г. Советское правительство начало кампанию по превращению страны в «осажденную крепость», где наука должна была обеспечить военно-технологическое преимущество и тем самым национальную безопасность. Москва была провозглашена «центром мировой науки», а пропаганда достижений российской науки стала одним из

способов возвращения к имперским ценностям, подогревания националистических настроений и воспитания патриотизма. В предвоенные годы наука в СССР стала одним из главных государственных приоритетов. Число научных работников и научных учреждений возросло многократно, потребляя значительную часть национального дохода и ресурсов. Вместе с тем был опущен «железный занавес», фактически прервавший процесс взаимодействия научного сообщества в СССР с мировой наукой. В развязанных властями массовых репрессиях погибло немало ученых, а тотальный контроль над идеологизированной наукой привел к доминированию в некоторых отраслях знания псевдонаучных построений.

Великая Отечественная война (1941–1945) на некоторое время вывела советскую науку из состояния самоизоляции, восстановила научные контакты советских и англо-американских ученых и завершила формирование Большой науки как важнейшего фактора национальной безопасности. Однако в Холодной войне, начавшейся уже в 1946 г. и достигшей апогея в последние годы жизни И.В. Сталина, сотрудничество советских ученых с коллегами из Англии и США прекратилось. Недавние союзники превратились в потенциальных врагов. И в СССР была предпринята грандиозная попытка создания некоей особой «советской» биологии, коренным образом отличавшейся от биологии на Западе. В условиях жесткой конкуренции между западным и восточным блоками сложившаяся до войны в СССР система взаимоотношений науки и государства была укреплена и ужесточена, но степень вмешательства партийно-государственного аппарата предопределялась значимостью той или иной отрасли знаний для укрепления военно-промышленного комплекса. Советская биология была всецело подчинена задаче победы в Холодной войне, что требовало её изолированности от научного сообщества Запада.

Форма организации науки в Советском Союзе в течение долгого времени обеспечивала поддержание паритета в гонке вооружений. Вместе с тем «железный занавес» и идеология «особости» советской науки обусловили постоянное вмешательство партийно-правительственных органов в организацию и функционирование научного сообщества, что привело к доминированию псевдонаучных построений в отдельных областях естествознания, прежде всего в биологии. Именно среди советских ученых зародилось диссидентское движение, и, в конечном счете, они выступили главной социальной опорой лидеров «перестройки», закончившейся распадом СССР и поставившей науку в пределах России и государств СНГ в тяжелейшее финансовое положение, а в конечном счете — на грань выживания.

Иначе процесс идеологизации биологии развивался в Германии. Немецкие ученые уже перед Первой мировой войной заняли сугубо консервативные позиции, активно участвуя в формировании имперского национализма. Профессора не только поддерживали политику правительства, но и способствовали ее «научному» обоснованию, доказывая необходимость передела мира и цивилизаторскую роль Германии на Востоке. Во время Первой мировой войны большинство биологов заняло ультрапатриотические позиции, призывая сограждан сплотиться для отражения угрозы варваров с востока. Поражение Германии и Ноябрьскую революцию 1918 г. они восприняли как трагедию. И на протяжении всей Веймарской республики враждебно относились к демократическому строю, грезя по утраченному могуществу. Уже в 1920-х годах многие из них встали под знамена национал-социализма. Гитлер оценил их готовность к сотрудничеству и предоставил

в их распоряжение огромные финансовые и материальные ресурсы, что еще сильнее связало их с нацистским правительством.

В отличие от СССР, в Германии репрессии против ученых носили довольно четко очерченный вектор. Из университетов изгоняли и отправляли в концлагеря либо «расово неполноценных» ученых, либо открытых политических противников. При этом истинные арийцы отнюдь не возражали против того, чтобы в результате им доставались освобождавшиеся места в университетах и научных институтах, и, как правило, не предпринимали никаких действий в защиту своих коллег. В годы Второй мировой войны они активно участвовали в разграблении захваченных территорий, в вывозе научного оборудования и специалистов в Германию. Многие из них в качестве экспертов содействовали массовым расстрелам евреев, цыган и представителей других народов, подлежащих истреблению по биологическим соображениям. С крахом гитлеризма все они стали изображать себя жертвами нацизма и, сохранив ведущие позиции в биологическом сообществе, в течение нескольких десятилетий способствовали сохранению мифа о страданиях немецких биологов при нацистах и своей оппозиционности режиму²⁵. Особенно сильно этот миф культивировался в ГДР. В то же время ГДР оказалась одной из немногих стран социалистического блока, которой удалось воспрепятствовать усиленному насаждению мичуринской биологии и сохранить мировой уровень исследований в генетике и эволюционной теории.

В последние десятилетия произошли колоссальные изменения в стратегии исследований как национал-социалистической, так и советской биологии. Возникли новые подходы к изучению такого специфического феномена, как мощная наука в условиях тоталитарного режима. Оказалось, что «за железным занавесом» кровавых режимов наука не только не погибла, но смогла достигнуть блестящих успехов. Для существенного прорыва в организации исследований полезно было бы, опираясь на средства современной информации, прежде всего Интернет, организовать коллективную базу данных, и не отдельных документов, а всего массива архивных документов по истории советской и немецкой науки и техники, с привлечением для работы с ними максимального количества ученых из разных стран. При всей утопичности подобного проекта только так можно будет преодолевать субъективизм в истории науки. В изучении науки тоталитарных стран особое значение имеет «устная история», которая, как показали исследования последнего десятилетия²⁶, иногда была более надежным источником информации, чем документы, большинство из которых изначально было фальсифицировано.

²⁵ В этом отношении показательны судьбы директоров и ведущих сотрудников главного академического учреждения по расовой биологии в Третьем рейхе — Института антропологии, генетики человека и евгеники КВГ. В ФРГ расовые гигиенисты О.Ф. фон Фершурер, Ф. Ленц, Г. Нахтсхайм и др., расовые антропологи В. Гизелер, Г. Вайнерт, Г. Геберер, а также их ученики и последователи занимали кафедры генетики человека и антропологии в ведущих университетах, возглавляли основные журналы и научные сообщества. См. подробнее: *Kröner H.-P. Das Kaiser-Wilhelm-Institut für Anthropologie, menschliche Erblehre und Eugenik und die Humangenetik in der Bundesrepublik Deutschland // Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalsozialismus. Bestandsaufnahme und Perspektiven der Forschung / Hg. D. Kaufmann. Göttingen, 2000. Bd. 1. S. 653–666.*

²⁶ Репрессированная наука. СПб., 1991–1994. Вып. 1–2; *Sagdeev R. The Making of a Soviet Scientist. New York, 1994.*

Реальный ход отечественной истории может быть реконструирован лишь на базе огромного архивного и литературного материала, дополненного ресурсами коллективной памяти научного сообщества о событиях, нигде не зафиксированных, но оказавших огромное влияние на судьбы целых отраслей знаний, в также о действовавших в прошлом чиновниках и ученых, о их поведении и взглядах. Необходимо помнить, что в те годы люди думали одно, говорили другое, писали третье. И действовали они чаще всего не в соответствии со своими убеждениями, а как требовали обстоятельства²⁷.

Комплексная организация исследований могла бы стать гарантом того, чтобы на смену одним мифам об отечественной и немецкой истории науки не приходили новые. Тем самым удастся обеспечить поступательное движение по воссозданию реальной картины «советизации» и «нацификации» науки, позволяющие выйти за рамки палитры трех цветов: черного, белого, серого.

В предыдущих публикациях я старался показать, что появление Т.Д. Лысенко и его сторонников в высших эшелонах науки было закономерным итогом многочисленных попыток в 1920-х — начале 1930-х гг. создать некую «пролетарскую» или «диалектическую» биологию²⁸. В те годы не только, и даже не столько, политическое руководство, сколько сами ученые были инициаторами идеологизации и диалектизации естествознания. Начинающие диалектизаторы биологии, среди которых впоследствии оказалось немало жертв сталинских репрессий, активно способствовали созданию первых научных марксистских организаций, печатались в идеологических журналах, активно участвовали в многочисленных дискуссиях о соотношении марксизма и различных естественнонаучных концепций. Важной предпосылкой для появления лысенкоистского варианта «советской биологии» была деятельность в годы «культурной революции» (1928–1932 гг.) марксистских организаций в Ленинграде, которые возглавлял И.И. Презент, ставший затем правой рукой Т.Д. Лысенко и его главным идеологом. Деятельность этих организаций позволяет лучше понять констелляцию институциональных, социально-культурных,

²⁷ Яркий пример приспособляемости к социально-политической и идеологической среде демонстрировал «дедушка расовой гигиены» Ф. Ленц, один из трех соавторов всемирно известной книги «Основы генетики человека и расовой гигиены» (*Baur E., Fischer E., Lenz F. Grundriss der menschlichen Erblchkeitslehre und Rassenhygiene. München, 1921. Bd. 1–2*), признаваемой около четверти века стандартом в этой области знаний и неоднократно переизданной в Германии и за рубежом. В ее первом издании Ленц защищал евреев от упреков в мнимом тлетворном влиянии на общество и даже провозглашал: «Еврейский дух вместе с германским духом — главные движущие силы современной западноевропейской культуре». В третьем издании 1931 г., вышедшем за два года до прихода Гитлера к власти, он продолжал сожалеть по поводу существования антисемитизма и писал: «Антисемитизм национал-социалистов, естественно, достоин сожаления. Следует сожалеть, что политическим массам требуется подобное чувство». Диаметрально другие оценки антисемитизму Ленц дал в четвертом издании 1936 г., когда в Германии окончательно установилась национал-социалистическая диктатура. Теперь он резко изменил свои прежние взгляды на противоположные и предупреждал о тяжелом ущербе, который евреи могут нанести народному хозяйству. Его буквальные слова: «организм лучше развивается без паразитов». Цит. по: *Richter H.-E. Medizin und Gewissen // Medizin und Gewissen. 50 Jahre nach dem Nürnberger Ärzteprozess — Kongressdokumentation / Hg. S. Kolb, H. Seithe. Frankfurt am Main, 1998. S. 16–17.*

²⁸ *Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии. СПб., 1999; Наука за «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб., 2001.*

политико-идеологических факторов, действовавших в СССР 1922–1932 гг. и сыгравших важную роль в появлении лысенкоизма. В этих организациях и выпускаемых ими журналах отражалась борьба внутри биологического сообщества, реакция различных групп ученых на попытку насильственной диалектизации и пролетаризации биологии, воздействие этих попыток на тематику и язык биологических исследований, на ритуал научных мероприятий (конференций, съездов, обществ), на идеи, ценности, традиции научного сообщества, на его взаимоотношения с властями, на стиль поведения ученых с властью предрезающими. Особенно интересны оказались следующие вопросы. Насколько эффективна была деятельность Презента и его окружения в годы культурной революции? Какова социальная динамика этой группы? И что заставило его искать союз с Лысенко и ему подобными?

Сходные вопросы возникают при исследовании развития биологии в Германии, где, правда, не было общепризнанных лидеров национального масштаба, как в СССР. Вместе с тем процессы «нацификации» биологии охватили там гораздо более широкие круги биологического сообщества, поставив под сомнение возможность говорить об этике и ценностях научных исследований во многих ее отраслях.

Некоторые методологические основания исследования

Банальное изречение, что старые идеи не умирают, а исчезают из обихода науки вместе со своими сторонниками, поколеблено опытом развития науки XX века, когда на протяжении своей научной карьеры ученый вынужден был не раз приспосабливаться к новым фундаментальным открытиям в естествознании. Лишь в архиве науки сохранились гипотезы, которые сошли со сцены, растеряв своих приверженцев.

Обычно это концепции не очень высокого теоретического уровня, не касающиеся мировоззренческих и методологических проблем естествознания. Дискуссии же по фундаментальным вопросам длятся иногда многие столетия и даже тысячелетия. Очень часто участникам дискуссии кажется, что она уже закончена и одному из конкурирующих направлений обеспечена окончательная победа. Но уже, как казалось, повергнутая концепция возрождается во всем блеске новых теоретических аргументов и фактов.

К числу подобных относится ряд биологических проблем, использованных не раз в XX веке политиками разных стран для воплощения социальных утопий коммунизма и расизма, что обернулось гибелью десятков миллионов людей разных национальностей на разных континентах. От имени науки были предприняты попытки реализовать на практике концепции: преобразования природы и подчинения ее всецело целям человека; достижения расовой чистоты за счет уничтожения межрасовых гибридов и подбора партнеров для репродукции; предотвращения физической и психической дегенерации человека; улучшения его природы путем различных способов социальной и биологической селекции; ликвидация преступности путем сугубо биологической селекции или, напротив, исключительно социальными мерами и т. д. Авторы подобных концепций порою вполне полагали, как это по крайней мере за 2 500 тысяч лет тому назад думали и Сократ, и Платон, предтечи современного